
Френни Кэт
МАРША БЛУМ
И ТАЙНА НЕКРОМАНТА

Приключения Марши Блум

Френни Кэт

Марша Блум и тайна некроманта

«Автор»
2025

Кэт Ф.

Марша Блум и тайна некроманта / Ф. Кэт — «Автор», 2025 — (Приключения Марши Блум)

Вторая книга о приключениях Марши Блум.Марша Блум наконец-то нашла своё призвание — некромантию. Всё же болтать с призраками куда приятнее, чем варить зелья. Правда, теперь её ждёт новое испытание — летняя практика в родной Боржове.Во второй части Марше предстоит:✔ Раскрыть тайну своего рождения.✔ Научиться управлять не только мёртвыми, но и своими чувствами (хотя второе, кажется, сложнее).✔ Понять, что же делать со своей запретной любовью.✔ Помирить Труди и Джину, которые тащат её в разные стороны, словно два упрямых зомби, не поделивших лакомую кость.

© Кэт Ф., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Вечная любовь 5
Глава 2. Предупреждение 13
Глава 3. Сердце Аластера 19
Глава 4. Бал 25
Глава 5. Амалия 33
Глава 6. Извинительная открытка 40
Глава 7. Неожиданное предложение 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Марша Блум и тайна некроманта

Глава 1. Вечная любовь

«Чёрт! Чёрт! Чёрт!»

Я со всех ног неслась по тёмному коридору, ругая себя последними словами, от которых, пожалуй, даже у грузчиков в порту уши в трубочку свернутся. А уж если бы мадам Снифлботтом прознала о моих глубоких познаниях в области ненормативной лексики, то точно слегла бы с сердечным приступом.

Тук-тук-тук — стучали каблуки сапог по камням, которыми был вымощен пол подвала.

Тук-тук-тук — колотилось в груди сердце от позора, страха и быстрого бега.

Тук-тук-тук — хотелось настучать себе по голове за глупость и излишнюю уверенность в своих силах.

— Марша Франческа Блум, а ну вернись!

Громкий окрик за спиной не заставил меня одуматься, я лишь быстрее припустила по коридору, совсем уже не разбирая дороги. Как итог — влетела в оставленное каким-то нехорошим человеком жестяное ведро.

Грохот разнёсся по всему подвалу, будто кто-то устроил симфонию для перкуссионистов-неудачников. Я кубарем покатилась по полу, сгребая пыль, паутину и, кажется, пару дохлых тараканов.

— Вот блин, — прошипела я, отплёвываясь.

Но времени на самобичевание не было — тяжёлые шаги уже настигали меня. Я вскочила, выпутываясь из длинного чёрного плаща, швырнула ведро в сторону преследователя (оно грохнулось с жалобным звоном, не пролетев и метра) и рванула дальше.

Поворот, ещё поворот…

Мой преследователь, очевидно, тоже запнулся о ведро. По коридорам подвала вновь разнёсся грохот и злобное рычание.

— Ну погоди, негодница! Я ведь всё равно найду тебя!

«Дело плохо! Я доводила его бессчётное количество раз, но таким разъярённым вижу впервые».

Я дёрнула на себя первую попавшуюся дверь, и та открылась с противным скрежетом. Недолго думая, юркнула в тёмное пространство и затаилась.

Мрак сомкнулся вокруг меня, густой, как суп в дешёвой харчевне. Я задержала дыхание, прижавшись к холодной стене, и только сейчас осознала, что залезла прямиком в подсобку уборщиков.

«Отлично, Марша. Прямо гениальный план. Теперь ты заперта в крошечной комнате со швабрами и вонючими тряпками. Что дальше? Будешь драться с ним мокрой ветошью?»

Снаружи раздались тяжёлые шаги.

Я зажмурилась. «Не дыши. Не шевелись. Стань тряпкой. Стань шваброй».

Сжала ткань платья на груди, будто надеясь утихомирить гулко бьющееся сердце.

Стук массивных подошв о камни и бряцание ремней амуниции постепенно отдалились, а затем и вовсе стихли.

И только теперь я позволила себе выдохнуть. Поправила платье и сбившиеся локоны. Тихонько приоткрыла дверь… и была тут же поймана за ухо цепкими пальцами некроманта.

— Ай-ай-ай! Мортис, миленький, отпусти! — взмолилась я. Из глаз брызнули слёзы от боли и обиды одновременно.

Но грозный некромант выволок меня из каморки, захлопнул дверь носком сапога и навис надо мной, словно чёрная грозовая туча.

— Я твой ментор, Марша. Так что будь добра, обращайся ко мне мистер Гримм.

Ухо Мортис всё-таки отпустил, но легче не стало. Некромант упёр руки в стену по обе стороны от моего лица и грозно пробасил:

— Я жду объяснений, мисс Блум. Что ты устроила в прозекторской?!

Я глупо хихикнула, провела пальцами по лацкану его пиджака и попыталась выдавить самую милую улыбку, на которую была способна. Вышло откровенно жалко. Мортис обескураженно взглянул на меня. Мои потуги его явно не впечатлили.

«Халтурная из тебя обольстительница, Марша Франческа Блум. Придётся признаваться».

***

Практические занятия в госпитале Святого Иосифа были неимоверно скучными. Подразумевалось, что мы с ребятами будем отрабатывать проверку тел на одержимость в местном морге. Но, конечно же, никаких одержимых покойников в нашем тихом Баклберри не водилось. Да и просто усопшие в морг поступали редко. Так что чаще всего на этих занятиях мы изнывали от безделья.

На улице стояла чудесная тёплая весна. Она кружила голову и манила нас выйти на улицу, прогуляться по цветущим садам или выпить ароматного кофе с воздушным круассаном на открытой веранде в булочной. Но приходилось часами сидеть в душном пыльном кабинете, который любезно выделила группе некромантов для практики администрация госпиталя.

Иногда мы спускались в прозекторскую, когда туда всё же поступал какой-нибудь несчастный, и «проводили ритуал», чувствуя себя при этом неимоверно глупо.

Но Мортис, точнее теперь ментор Гримм, настаивал на том, чтобы мы исполняли всё так, как написано в учебнике.

— Вы должны отработать ритуал до автоматизма. Можете мне не верить, но однажды это спасёт вам жизнь.

А потому под строгим надзором некроманта мы исправно бубнили слова на латыни, окуривали тело специальными свечами и сжигали щепотку сушеного мха.

Вот и сегодня мы с ребятами уже час томились в застенках кабинета. Была пятница, и практика по изгнаниям стояла последним занятием, но мы знали, что Мортис ни за что не отпустит пораньше. Придётся смирно отсидеть два часа. Балтазар, развалившись за столом, мелодично похрапывал. Август и Теодор играли в «камень, ножницы, бумага» на щелбаны. А мы с Джиной с комфортом устроились на диванчике. Я лежала на коленях подруги и наслаждалась тем, как она перебирает мои волосы и мурлыкает какую-то незатейливую мелодию. В ярких солнечных лучах, пробивающихся сквозь матовое стекло, танцевали крупные пылинки. Лениво следя за ними взглядом и пригревшись на весеннем солнышке, я и сама не заметила, как задремала.

Проснулась от того, что Джина слегка потянула пряди, сжав кулак, и недовольно заворчала:

— Эй, Марша! Ты меня что, не слушала?

Я приподняла бровь и лениво потянулась:

— Что такое? Привезли тело?

Я попыталась встать, но Джина тут же прижала меня обратно:

— Эх ты, я тебе душу изливаю, а ты дрыхнешь. Тоже мне подруга называется.

Балтазар одобрительно всхрапнул.

— Прости, Джина, — я протянула руку и переплела наши пальцы, — но ты сама убаюкала меня песенкой и расслабляющим массажем. О чём ты говорила?

Джина хмыкнула, и продолжила перебирать локоны.

— Говорю, давайте завтра встретимся на диком пляже? Суббота всё-таки. Сосиски пожарим, искупаемся, — подруга наклонилась ко мне и понизила голос, — я стащила у деда из погреба вишнёвую наливку.

Я улыбнулась:

— Звучит потрясающе.

— О, да!

— Уже чувствую запах дыма и жареного мяса…

— М-м-м…

— И прохладную водичку на своей коже…

— Продолжай.

— Но я не смогу.

— Что?!

Джина замерла. Я почувствовала, как она напряглась.

— Что значит «не смогу»? — прошипела девушка.

Я вздохнула и поднялась, чтобы посмотреть подруге в глаза.

— Завтра мы с семьёй едем на очередной приём. Кажется, в этот раз в поместье Маклиров.

Джина откинулась на спинку дивана и простонала:

— Опять? А ты не можешь отказаться?

— Если бы… мы туда едем из-за меня. Мама не теряет надежды всё-таки сосватать меня какому-нибудь несчастному. За этот год я побывала на стольких приёмах, что меня уже мутит от всех этих знатных родов и их фальшивых улыбок. Я бы с удовольствием провела время с вами, но мама уже заказала новое платье и пригласила парикмахера. Если я сбегу — она меня убьёт.

Джина бросила на меня нечитаемый взгляд.

— Ах, бедняжка! Это так тяжело, когда родные беспокоятся за тебя и пытаются хорошо устроить твою судьбу, знакомя с разного рода молодыми, красивыми аристократами! Даже не знаю, как ты это терпишь.

Джина скрестила руки на груди и, отвернувшись к стене, злобно бросила:

— Сочувствую тебе!

Казалось бы, за год мне уже стоило привыкнуть к резким перепадам настроения Джины, но каждый раз, когда она из милой и заботливой превращалась в холодную колючку, я чувствовала себя виноватой.

— Зачем ты так, — я легонько коснулась плеча подруги, но та резко дёрнулась и сбросила мою руку.

— Ты же понимаешь, я не по своей воле иду туда…

— Конечно! Ты же у нас несчастная жертва обстоятельств! — Джина повернулась ко мне и обожгла злобным горящим взглядом, — как же бесит, Блум, когда ты подарки судьбы выставляешь какими-то проблемами и приправляешь страданиями.

Она манерно вскинула руки и пропищала:

— Ах, посмотрите на меня, я бедная-несчастная нитакуся! Родилась с серебряной ложкой во рту. Меня любит моя семья и делает для меня всё, поэтому я так страдаю! Мне так тяжело быть любимой дочерью в богатой семье!

В кабинете повисла гробовая тишина. Парни перестали играть и теперь растерянно смотрели на нас. Балтазар, еще недавно беззаботно храпевший, проснулся от криков Джины и теперь пытался слиться со столом, дабы гнев девушки не переключился на него.

Я застыла, неотрывно глядя в колкие, злые глаза подруги. Внутри разлилось горькое чувство обиды.

— Ты ведь пожалеешь о своих словах, Джина.

Девушка натужно рассмеялась:

— И не мечтай!

Я встала с дивана и тихонько вышла за дверь. В коридоре прижалась щекой к прохладной стене, пытаясь успокоиться. Сделала пару глубоких вдохов.

С Джиной всегда было не просто. Она то отдавала дружбе всю себя, была невероятно внимательной и понимающей, помогала во всём, иногда даже в ущерб себе или в тех моментах, где её помощь вовсе и не требовалась, защищала от малейшего косого взгляда или неаккуратно брошенного в мою сторону слова. То превращалась в жестокого палача, отталкивая от себя и безжалостно раня в самые незащищенные и чувствительные места моей души.

— Простите, — из размышлений меня вырвал вкрадчивый бархатистый грудной голос, — не вы ли та самая Марша Блум?

Я удивленно обернулась.

«И когда это я успела стать „той самой“ Маршей? Вроде с утра была самой обычной, среднестатистической».

Передо мной стояла пышная дама в чёрном траурном платье и элегантной шляпке. В руках она держала кружевной, едко пахнущий духами платочек с вышивкой и непрестанно прикладывала его к глазам. Несмотря на скорбно сведенные к переносице брови и опущенные уголки губ, дама явно «вытирала» воображаемые слёзы, так как её старательно наложенный и довольно яркий макияж оставался идеальным.

— Здравствуйте, мадам. Марша Блум — это действительно я.

— Ах, какая прелесть! Я так много слышала о вас и просто не поверила глазам, когда увидела здесь и сейчас! Не иначе сама судьба свела нас вместе в столь мрачный час, — женщина всхлипнула и вновь прижала платочек к уголку глаза.

Я растеряно моргнула и огляделась в поисках путей отступления. Эта дама была сумасшедшей, не иначе.

— Не понимаю, откуда вы могли слышать обо мне и в чём я могу помочь. Прошу меня извинить, наверное, вы ошиблись, и вам нужна… какая-то другая знаменитая Марша.

Развернувшись, я поспешила прочь от странной женщины, но дама проявила невероятную для своего возраста и габаритов прыть.

— О нет, дорогая, никакой ошибки быть не может.

Оказавшись рядом за считанные секунды, дама ловко перехватила мою руку, её пальцы сжали запястье с неожиданной силой.

— Это ведь вы то самое юное дарование, которое способно видеть души и даже говорить с ними? Молю вас, Марша, не откажите несчастной женщине, попавшей в беду!

Я нахмурилась.

— Кто вам рассказал?

— Свет полнится слухами, — отмахнулась дама, — давайте зайдем в кабинет и поговорим наедине. Моя просьба не для чужих ушей.

Женщина дернула за ручку двери с табличкой «Процедурная», ловко затолкала меня внутрь и торопливо вошла сама.

— Но я ведь ещё не согласилась…

— Ах, душенька! Ваше доброе сердечко не позволит сказать «нет». — Дама улыбнулась густо накрашенными алой помадой губами и потрепала меня за щеку. Затем, будто спохватившись, вновь свела брови к переносице и промокнула глаза платочком.

Понимая, что сбежать от настырной посетительницы не удастся, я вздохнула:

— Ну хорошо. Чем я могу вам помочь, мадам?

Находиться в процедурной было крайне некомфортно. Полки с лекарствами, стерильный запах спирта, разложенные на металлическом подносе шприцы и узкая кушетка — всё вызывало острое желание сбежать. Но выход из кабинета преграждала внушительная фигура незна-

комки, а потому хотелось поскорее выслушать её и под благовидным предлогом отделаться от настырной дамочки.

— Меня зовут Ванесса Вандербильд, и сегодня меня постигло ужасное горе, — женщина глубоко вздохнула, её нижняя губа задрожала, а руки крепче сжали несчастный платочек. — Мой Грег… сэр Вандербильд… он… он…

Леди Вандербильд начала часто дышать, всхлипывая. Она силилась продолжить рассказ, но никак не могла совладать с эмоциями.

— Вам плохо? Я сейчас.

Я метнулась к шкафчику, отыскала стакан и, наполнив его водой из-под крана, протянула даме.

Леди Вандербильд с жадностью выпила воду, оставив на стакане отпечаток алой помады.

— Спасибо, душенька! — Она благодарно сжала мою руку и продолжила, — мой дорогой супруг скончался. Я была в отъезде с нашими дочерьми и вернулась в поместье только утром. Тогда я и обнаружила его…

Женщина замолчала и плотно сжала губы. Взгляд стал стеклянным, похоже, перед её внутренним взором вновь предстала трагическая картина.

— Мне жаль, леди Вандербильд. Примите мои искренние соболезнования. Но что я могу для вас сделать?

За год обучения на факультете некромантии я стала гораздо спокойнее относиться к смерти. Люди умирали постоянно: молодые и старые, несчастные и счастливые, после долгой болезни или совершенно неожиданно. Я приняла тот факт, что смерть — это часть жизни. А может, просто моя душа несколько загрубела после стольких трагедий, развернувшихся на моих глазах.

— Марша, — тихо сказала леди Вандербильд, — я должна с ним попрощаться… Понимаете? Это очень важно для меня.

— Но вы попрощаетесь с супругом на похоронах.

— Нет! — Буквально выкрикнула Ванесса, — ты не понимаешь! Мы были вместе тридцать лет! Потеряв его, я потеряла себя… Не представляю, как я буду жить без дорогого сердцу человека! Без моего Грега…

Леди Вандербильд сжала мои ладони и заглянула в глаза:

— Я хочу попрощаться, сказать ему лично, что люблю… что никогда не забуду, что пронесу нашу любовь до конца своей жизни и после мы сможем воссоединиться на небесах.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как леди Вандербильд сжимает мои руки с отчаянной силой. Её глаза, жирно подведённые чёрным карандашом, заблестели от слёз.

— Леди Вандербильд, — осторожно начала я, — вы же понимаете, что контакт с умершими… это сложный ритуал, и он может быть опасен.

— Я знаю, — она резко кивнула. — Но я готова на всё. У меня есть деньги. Много денег.

Ванесса решительно полезла в сумочку, но я её остановила.

— Не нужно денег, леди Вандербильд. Я бы хотела вам помочь, но это запрещено — беспокоить усопшего просто по прихоти живых. Если я решусь на ритуал — рискну всем, что имею.

Слёзы всё-таки сорвались с ресниц Ванессы. Она отпустила мои руки и как-то вся сгорбилась, осела. Бросив на меня взгляд, полный боли и разочарования, она развернулась и вышла из процедурной.

Я тяжело опустилась на кушетку и спрятала лицо в ладонях.

— Чёрт! Ты же знаешь, Марша, нельзя этого делать! Ты поступила верно, отказав ей, — уговаривала я себя.

Наконец мне стало предельно понятно, почему ментор Орфант так настаивал на том, чтобы мои «таланты» оставались под покровом тайны.

На душе было паршиво. Сначала ссора с Джиной, потом ситуация с леди Вандербильд. Этот её взгляд…

«А если бы мой близкий человек неожиданно покинул этот мир, хотела бы я с ним попрощаться? Сказать все слова, которые не успела произнести пока он был жив? Попросить за что-то прощение или сказать о своей любви? Как бы я поступила на месте леди Вандербильд?»

Я вскочила с кушетки и выбежала в коридор.

— Леди Вандербильд! Погодите!

Я завернула за угол и тут же врезалась в мягкую фигуру женщины. Ванесса стояла прямо передо мной.

— Где тело вашего мужа?

— Я знала, что ты передумаешь! — Леди Вандербильд улыбнулась сквозь слёзы.

— Прошу вас! Он в прозекторской? Если да, то у нас очень мало времени. Скоро туда нагрянет ментор и группа студентов. Мы должны поспешить.

— Поняла!

Леди Вандербильд подхватила подол траурного платья, задрав его до колен, и засеменила полными ножками в сторону прозекторской, да так лихо, что я еле поспевала за ней.

Вскоре мы оказались в морге. Я приоткрыла дверь прозекторской и, убедившись в том, что кабинет пуст, проскользнула внутрь.

Лишь один из столов был занят телом, накрытым простынёй. Увидев его, леди Вандербильд охнула и принялась шептать молитвы. Мы приблизились к столу, и я застыла в нерешительности.

— Какова причина смерти?

— У Грега было больное сердце. Наш семейный врач осмотрел его и подтвердил, что смерть наступила в результате остановки сердца… Мой бедный Грег. Он долго боролся, но болезнь всё же победила.

Не сговариваясь, мы с Ванессой перешли на шёпот, будто боясь побеспокоить усопшего.

Я откинула краешек простыни с лица мужчины. Грегори Вандербильд выглядел спокойным и умиротворённым, будто он просто уснул. Волосы были аккуратно зачёсаны на пробор и, кажется, даже напомажены. Кончики пышных усов залихватски подкручены воском.

Странно.

— Леди Вандербильд, а где вы обнаружили тело?

— В нашей кровати. Он ушёл во сне, и я всем сердцем надеюсь, что мой дорогой Грег не мучился!

— Разве танатопрактик уже работал над телом?

— Что? Конечно, нет! Его только осмотрел наш семейный врач. После этого мы доставили Грега сюда, в госпиталь Святого Иосифа, как и велят правила.

Почему Грегори лёг спать при параде и даже во сне сохранил идеальную укладку? Как это возможно?

Я склонилась над телом. Кажется, в уголке рта, прикрытом пышными усами, виднелось нечто бело-розовое.

Пена?

Рассмотреть находку я не успела. Леди Вандербильд дёрнула меня за плечо и зашипела:

— Марша, вы же говорили, что у нас мало времени! А теперь стоите над моим бедным Грегори и задаёте странные вопросы вместо того, чтобы выполнить обещание.

— Да-да, простите.

Я ведь не медик. Куда лезу? Тело осмотрел врач, с ним будет работать коронер. Моё дело — дать возможность этим двоим попрощаться.

Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Грегори умер менее суток назад, а значит, его дух всё еще находится недалеко, и притянуть его будет просто. Главное — нащупать нужную ниточку.

За год непрерывных занятий меня хорошо натаскали, и теперь витаксид мне был не нужен. Я научилась контролировать силу и выпускать её только в нужные моменты. Вот и сейчас я чуть приоткрыла внутренние «дверцы», выпуская наружу лишь тонкую струйку энергии, и тут же увидела золотистую нить, тянущуюся от тела. Подхватила её пальцами и потянула вниз.

Секунд десять ничего не происходило, а потом раздался хриплый стон, и сэр Вандербильд медленно приподнялся на столе. Его веки дрогнули, затем открылись, обнажив мутные, затуманенные глаза. Леди Вандербильд вскрикнула и схватила меня за руку, её острые ногти впились в кожу.

— Г-грег? — Голос женщины дрожал.

Губы покойника шевельнулись, и из них вырвался шёпот — низкий, скрипучий, будто из глубины колодца:

— Ванесса…

Тело сэра Вандербильда резко село, его голова неестественно повернулась, шея хрустнула.

— Леди Вандербильд, скорее, говорите то, что вы хотели! Я не смогу долго удерживать дух в мёртвом теле!

— Греги! Милый, зайка, любимый… скажи, где все наши фамильные драгоценности и облигации? Я осмотрела сейф, но там пусто!

— Что? — Я пораженно повернулась к леди Вандербильд.

На лице женщины не осталось и тени скорби. Её глаза горели холодным расчетом, а пальцы судорожно сжимали моё запястье.

— Где деньги, Грегори? — Прошипела она, игнорируя мой шокированный взгляд.

Тело дёрнулось, губы скривились в гримасе.

— Ты… отравила… меня… — хрипло выдавил покойник.

Леди Вандербильд резко отпустила мою руку, лицо её побелело.

— Что за чушь! — фальшиво засмеялась она. — Скажи, где мои деньги, старый скряга, или я заставлю эту девчонку вытянуть из тебя информацию менее приятным способом!

Тело сэра Вандербильда вдруг застыло, а затем… рассмеялось.

Это был леденящий душу, скрипучий смех, наполняющий комнату эхом.

Я мгновенно отпустила золотую нить и перекрыла поток силы. Но ничего не изменилось! Тело всё еще хохотало, а леди Вандербильд багровела и скрипела зубами.

Я растерянно огляделась, пытаясь сообразить, что же теперь делать и как вернуть душу обратно, но в этот момент произошло то, чего я точно не ожидала.

Леди Вандербильд с оглушительным визгом бросилась на тело супруга, оседлала его и вцепилась пальцами в шею. Ножки стола жалобно скрипнули.

— Отвечай, старый дурак, где деньги! Ты и так мне всю жизнь испортил! Дай хоть после твоей смерти пожить в удовольствие!

Она неистово трясла тело, то и дело ударяя его затылком об стол.

— Леди Вандербильд, прошу вас, остановитесь!

Я бросилась к женщине, пытаясь стащить её со стола, но силы были явно не равны.

— Ты сгниешь в тюрьме, старая дура! — просипело тело, — думала, я не знал, что ты спишь с этим недомерком-докторишкой? Я подготовился, принял меры.

Леди Вандербильд застыла, её лицо исказилось в гримасе ярости. Внезапно она рванулась к металлическому подносу и схватила скальпель.

— Тогда умри окончательно, ублюдок! — Завопила она, замахиваясь.

— Нет! — Я что есть силы рванула леди Вандербильд на себя. Её платье затрещало, и я шлепнулась на пол с оторванным куском.

В этот же миг ножки стола не выдержали и подломились, а дверь в кабинет распахнулась с такой силой, что отскочила от стены.

На пороге появился Мортис. За его спиной мельтешили доктора и наши ребята. Картина, открывшаяся ментору Гримму была поистине незабываемой: я распласталась на полу, сжимая в руках кусок платья, а леди Вандербильд с оголённой спиной сидела на полу на обломках медицинского стола и с остервенением раз за разом вонзала скальпель в хохочущий труп своего мужа.

— Что здесь творится?! — Голос некроманта прокатился громовым раскатом. — Прекратите немедленно!

Я подняла на Гримма взгляд, полный ужаса и раскаяния, а потом… побежала. Быстро растолкав толпу на входе, юркнула под чьим-то локтем, вырвала запястье из пальцев Мортиса, пытавшегося остановить меня и что есть духу побежала по коридору.

Глава 2. Предупреждение

Я рассказала Мортису всё как на духу, иногда в спешке проглатывая слова и дыша через раз. Когда наконец закончила, на некроманта было страшно смотреть. И без того вечно мрачное лицо было перекошено гримасой злости.

Мортис занёс руку, и я вся сжалась, крепко зажмурившись.

«Сейчас он мне влепит оплеуху! Уж я бы себе за такое точно влепила».

Но кулак мужчины с размаху впечатался в стену, и, кажется, в нём что-то хрустнуло.

Мортис отступил от меня на пару шагов и со стоном потёр ладонями лицо.

— За что? За какие грехи в моей жизни появилась ты, Марша?

Я виновато опустила взгляд и прошептала, ковыряя носком сапога камушек в полу:

— Я не думала, что так выйдет… Просто хотела помочь. Честное слово!

— Вот именно! Ты не думала! — Вновь набросился на меня Мортис.

Перед глазами встало строгое лицо Аластера, который в своих нотациях любил говорить, что я думаю всем чем угодно, только не головой.

Раньше я считала, что Мортис Гримм — самый скучный и невозмутимый человек из всех, кого я знала. Но плотное общение со мной за год прилично расшатало его нервную систему.

— Прости меня, Мортис. Мне правда очень стыдно…

— Ментор Гримм, — на автомате поправил меня некромант.

Обращение к нему как к ментору и соблюдение дистанции студентка — преподаватель мне никак не давалось. Я знала его с детства, с тех времён, когда он ещё с моим братом бегал по саду босой в коротких шортиках и вытирал рукавом сопливый нос.

Сколько раз он тайком отдавал мне свой десерт, потому что меня частенько наказывали и лишали сладкого? Сколько раз я засыпала на его коленках, когда мы устраивали ночёвки в саду в палатке?

Помню, мне было четыре, а Мортису — девять. Они с Аластером нашли в сарае банку с краской и нарисовали на задней стене дома грозного дракона с огромными острыми зубами, торчащими из пасти в разные стороны, и свирепыми глазами. Я же, улучив момент, когда мальчишки отправились на кухню за водой, добавила монстру розовые крылышки и бантик на хвост.

— Смотрите какая красавица получилась! — Гордо объявила я, когда ребята вернулись в сад. — Так гораздо лучше!

Мортис замер, только горестно окидывая моё творение взглядом. А Аластер по обыкновению принялся меня отчитывать:

— Марша! Ты уничтожила всё величественное и устрашающее в этом драконе! Ну кто тебя просил! Ты ещё мелкая козявка и ничего не понимаешь в настоящих мужских играх!

Я надулась:

— Зато он теперь милый… Вы, мальчишки, ничего не смыслите в красоте!

На наши крики из дома вышла мадам Сниффлботтом, как следует нас отчитала и заставила оттирать художества со стены растворяющим зельем.

Я возила по стене тряпкой и рыдала без остановки. Было обидно из-за того, что Аластер и экономка меня отругали, а ещё было жалко уничтожать милого дракона. Мортис как бы невзначай приблизился ко мне, не переставая тереть стену, тихонько толкнул в бок и зашептал:

— Ну чего ты ревешь, рёва-корова?

— Я не рёва! Мне дракошу жалко!

Я всхлипывала и подвывала, размазывая слёзы по лицу. Мортис вздохнул и скованно погладил меня по макушке:

— Нашла трагедию. Не плачь. Давай закончим со стеной, а потом я тебе в альбоме получше дракона нарисую, договорились?

— С розовыми крылышками? — тут же уточнила я, поднимая к нему мокрое от слёз лицо.

Мортис закатил глаза, но кивнул:

— Да, чёрт возьми, с розовыми крылышками.

Аластер тут же фыркнул:

— Ты её совсем разбалуешь, Гримм!

Но Мортис лишь пожал плечами:

— Зато не ревёт. И стену быстрее отмоем.

Ну вот и какой он после этого для меня «ментор Гримм»?

— Марша, ты меня когда-нибудь в могилу сведёшь, — устало проговорил Мортис. — Идём, теперь придётся долго расхлёбывать кашу, что ты заварила.

И мы отправились по гулким коридорам подвала обратно в прозекторскую.

— А сэр Вандербильд… он… э-э-э…

Я не знала, как спросить у Мортиса, удалось ли угомонить покойника или он продолжает хохотать в морге, обличая свою жену.

— Конечно, я сначала упокоил тело и только потом отправился за тобой, — буркнул некромант.

— Но почему он продолжил активничать даже после того, как я оборвала связь?

— Потому что ты сильно напитала некротической энергией его тело. Он бы еще пару дней мог бегать по городу.

— Ой…

Мортис строго посмотрел на меня:

— Ты еще только второкурсница, Марша. И ты не можешь самостоятельно, без надзора, выполнять любые ритуалы. То, что ты одарена некротической силой, делает твою практику только опаснее. Это понятно?

Я усиленно закивала:

— Да-да, конечно, я всё поняла, Мо… ментор Гримм.

Мортис искоса взглянул на меня и вздохнул:

— Верится с трудом.

— А что леди Вандербильд?

— Её с трудом удалось утихомирить. Даже недюжинной силы Балтазара не хватило, чтобы справиться. Но благодаря помощи Августа, Теодора и инъекции снотворного от доктора Ависа, даму наконец удалось снять с тела и изъять скальпель. Джина должна была вызвать арканумов, так что не надейся сегодня рано попасть домой.

Я испустила горестный стон, а Мортис в ответ строго посмотрел на меня:

— А вам, мисс Блум, стоило остаться и попытаться разобраться с последствиями ваших необдуманных решений, а не трусливо сбегать и прятаться, вынуждая разыскивать ещё и вас!

Я покраснела до кончиков ушей, но всё-таки попыталась оправдаться:

— Я просто испугалась! Не моя вина, что мой организм реагирует на стресс… вот так. Я читала в одной умной книжке, что при наступлении опасности мы можем отреагировать двумя способами: «бей или беги». И моё тело выбрало «беги». Я даже не участвовала в принятии этого решения!

— Потрясающая безответственность, — хмыкнул Мортис, — сваливать вину с себя на свои ноги — это новый уровень, Марша. Не надейся, что твоя выходка останется безнаказанной.

Наконец мы добрались до прозекторской и собирались уже войти внутрь, но тут дверь отворилась, и перед нами предстал Генри Стрикленд собственной персоной.

Окинув напряжённого некроманта и смущённую меня взглядом, арканум улыбнулся уголком губ и протянул руку Мортису.

— Мистер Гримм, рад приветствовать.

— Добрый день, мистер Стрикленд, — мрачно отозвался некромант, пожимая протянутую ладонь.

— Не уследили за подопечной? — тон арканума приобрёл игривые нотки.

— Виноват, расслабился. Дней десять мисс Блум вела себя примерно. Как выяснилось — копила силы.

Я не знала, куда себя деть, и нервно грызла ноготь на мизинце, буравя взглядом ботинки Стрикленда.

— Идёмте, звёздочка вы наша, побеседуем, как в старые добрые времена.

Арканум жестом пригласил меня пройти в соседнее помещение. Казалось, он получает какое-то странное удовольствие от того, что я опять куда-то вляпалась.

Мы прошли в кабинет, и Генри уселся за стол на место врача, а я пристроилась на табурете, предназначенном для пациентов.

Вновь пересказав всё аркануму, я поинтересовалась:

— Но я не понимаю, на что рассчитывала леди Вандербильд? Коронер всё равно нашёл бы следы яда в организме.

Стрикленд откинулся на спинку стула, и заложив руки за голову изрёк:

— А вот и не нашёл бы. Коронер уже подписал бумагу о смерти в результате сердечной недостаточности не проводя вскрытие. Понадеялся на авторитет семейного доктора Вандербильдов. Именитый, надо сказать, врач. Был. Теперь то он вместе с роковой соблазнительницей и коварной убийцей Ванессой Вандербильд проведёт немало времени в подвалах арканумата.

Стрикленд облокотился на стол, наклонившись ко мне и с улыбкой произнёс:

— Так что, если бы не жадность леди Вандербильд и не ваше отчаянное нежелание следовать правилам, убийство могло так и остаться нераскрытым. Сейчас телом занимается наш специалист, а мои ребята проводят обыск в поместье Вандербильдов. Отругает за непослушание вас мистер Гримм, а я выражаю благодарность за помощь следствию.

Генри подмигнул мне и протянул руку.

Я неуверенно пожала его ладонь, не понимая, как реагировать на такую неожиданную похвалу.

— Так значит… меня не накажут?

Стрикленд рассмеялся, откинувшись назад.

— О, ещё как накажут! — весело ответил он. — Но это уже между вами и вашим ментором.

Сердце упало куда-то в сапоги. Я украдкой взглянула на дверь, за которой, несомненно, стоял Мортис, скрестив руки и ожидая развязки.

— Но! — продолжил арканум, подняв палец. — Учитывая обстоятельства, я могу замолвить за вас словечко перед деканом. В конце концов, вы помогли раскрыть преступление. Пусть и… своеобразными методами.

— Спасибо, — кисло промямлила я и собиралась было покинуть кабинет, но арканум перехватил мою руку.

— Подождите, Марша. Есть ещё кое-что, что я хотел бы вам сообщить. — Вся весёлость Стрикленда испарилась. Он вновь стал предельно серьёзным и сосредоточенным. — На самом деле это конфиденциальная информация, но учитывая все обстоятельства, я принял решение, что вы должны об этом знать.

Я удивлённо взглянула на арканума:

— Что случилось?

— Кевин Уолш больше не находится в застенках арканумата.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Голова закружилась, и я тяжело повалилась обратно на табурет.

— Сбежал? — выдохнула я.

— Нет. Его забрала специальная служба в столицу. Вы же понимаете, Кевин — не обычный заключённый. Очевидно, кто-то наверху решил, что исключительный талант Уолша может послужить на благо родному королевству. Так что будьте осторожны, Марша. И прошу вас сохранить наш разговор в тайне.

Я медленно кивнула и на негнущихся ногах покинула кабинет.

Снаружи меня поджидал Мортис. Он уже было раскрыл рот, чтобы продолжить нравоучения, но, увидев моё состояние, переменился в лице.

— Что? Что случилось, Марша?

Я покачала головой и тихонько ответила:

— Просто устала. Тяжёлый день.

Мортис, конечно, не поверил мне, но пытать не стал.

— Подожди здесь. Я дам указания ребятам и отвезу тебя домой.

Я сползла по стене, обхватила себя руками и уткнулась носом в коленки.

Кевин больше не заключённый. Конечно, я не думаю, что его отпускают свободно бродить по городу, но когда его останавливали запреты? Тем более сейчас у него, скорее всего, есть доступ к лаборатории и котлу. Это ведь из-за меня он оказался за решёткой. Захочет ли он отомстить? Наверняка… Вспоминая историю с мадам Фокстер, ради мести Кевин готов пойти на многое.

Мортис тронул моё плечо.

— Идём?

Я поднялась с пола и послушно побрела за некромантом по коридорам госпиталя. Когда мы отошли от места преступления на приличное расстояние и в коридоре перестали сновать медперсонал и агенты арканумата, Мортис остановился, выудил из-за пазухи шоколадку и протянул мне.

— Возьми. Такая бледная, будто вот-вот в обморок упадёшь.

Я машинально взяла шоколадку, но даже не развернула её.

— Спасибо.

— Расскажешь, что случилось? Стрикленд тебе что-то сказал?

Я сглотнула ком в горле и покачала головой:

— Нет… ну, то есть… ничего важного.

Мортис подцепил пальцами мой подбородок, заставив поднять глаза.

— Ты ужасно врёшь.

Я мотнула головой.

— Знаешь, не надо меня провожать, я дойду сама. Давно не дышала свежим воздухом. Мне полезно.

«Если он всю дорогу будет меня пытать вопросами, я не выдержу. А подставлять Генри Стрикленда не хочу. Я пообещала сохранить наш разговор в тайне».

Мортис поджал губы, но ничего не ответил. Мы спустились в просторный холл госпиталя, а затем вышли на улицу. И у входа я увидела его — припаркованный автомобиль!

Это чудо техники появилось недавно, и в нашем городке его счастливыми обладателями было лишь пять наиболее привилегированных семей. Папа с Аластером тоже мечтали обзавестись автомобилем, но очередь на покупку растягивалась на годы. Товар был крайне дефицитным.

Гриммы были в числе счастливчиков, удостоившихся шанса приобрести сие чудо по блату. Всё благодаря Амалии Гримм — бабушке Мортиса. В своё время она служила придворной некроманткой и даже вела в бой армию мертвецов, когда подобное ещё не было запре-

щено международной конвенцией. Теперь же бывшая командирша коротала деньки за чаепитием с подружками в саду и на собраниях книжного клуба, чередуя их с партиями в бинго или крокет. И на все эти мероприятия Амалию непременно должен доставлять любимый внук и непременно на автомобиле, так как в конном экипаже её укачивает. Впрочем, укачивать мадам Гримм начало сразу после приобретения машины, так что, возможно, это была просто уловка, чтобы похвастаться перед подругами дорогой, дефицитной игрушкой.

— Ты сегодня на машине? — выдохнула я, не сводя глаз с блестящих на солнце, выпуклых боков агрегата.

— Да, после занятий везу бабушку к портному. Вот, хотел тебя подкинуть до дома. Но раз ты отказываешься…

— Нет-нет! — выпалила я слишком громко и поспешно, — ты прав, я не очень хорошо себя чувствую. Помощь будет кстати.

Мортис, едва сдерживая смех, открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь. Я с удовольствием плюхнулась на сиденье, обтянутое белой скрипучей кожей.

— Ух ты!

Пока некромант усаживался на место водителя и заводил мотор, я уже успела перетрогать всё, что видела перед собой: хромированные ободки, лакированные ящички, загадочные кнопочки. В салоне пахло кожей и дорогим табаком.

— Ты разве куришь?

— Нет, но бабушка так и не смогла избавиться от дурной привычки, приобретённой на фронте. Марша, прекрати всё трогать, ты оставляешь отпечатки.

— Прости! — Я отпрянула от стекла, к которому только что прижималась носом.

— И обращайся, пожалуйста, ко мне на «вы».

Я закатила глаза.

— Ты сам не способствуешь тому, чтобы наши отношения походили на отношения ментора и студентки. Шоколадками угощаешь, на машине катаешь.

Мортис замолчал и задумался, как-то странно на меня поглядывая.

Автомобиль плавно катился по улицам Баклберри, собирая восхищенные взгляды горожан. А я чувствовала себя особой королевских кровей, не меньше. Хотелось высунуться по пояс из окна, махать рукой и кричать: «Эй! Я здесь! Посмотрите все на меня!». Но я сидела ровненько и смотрела на прохожих из-под пушистых ресниц, слегка улыбаясь, как и следует настоящей принцессе.

Мы въехали на мою улицу, и у ворот я уже издалека заметила копну рыжих волос.

— Труди! Я здесь! Здесь! — Я всё-таки высунулась из окна и помахала подруге.

Труди застыла на тротуаре, широко раскрыв глаза. Её рот медленно открывался и закрывался, как у золотой рыбки в аквариуме.

— Марша Блум?! — наконец выдавила она, когда машина плавно остановилась. — Ты… на автомобиле?!

Я грациозно (насколько это возможно) выбралась из машины, поправив юбку.

— Обычное дело, — флегматично ответила я, стараясь не прыгать от восторга. — Ментор Гримм просто подвозит меня после занятий.

Мортис, выходя из машины, фыркнул.

— Да, занятия сегодня выдались очень продуктивными. Здравствуй, Гертруда. Как твои дела?

— Всё хорошо, спасибо.

Труди перевела взгляд с меня на Мортиса, потом обратно на меня. В её глазах читалось столько вопросов, что я поспешно схватила её за руку.

— Мортис, спасибо, что подвёз! Пока!

— Ментор Гримм, — в который раз поправил меня некромант.

— Да-да! Когда-нибудь я обязательно запомню! — крикнула я, увлекая за собой к дому Труди.

Когда мы оказались в прихожей, я накинулась на подругу, обнимая её и целуя в раскрасневшиеся щёки.

— Боже, как я скучала! Сколько мы не виделись? Месяц?

Труди крепко обняла меня в ответ, а затем отстранилась и внимательно посмотрела в глаза:

— Что это было?! Почему ты ехала с Гриммом? Почему он так странно выглядел? Что ты натворила на этот раз?! Расскажи мне всё!

Я лишь отмахнулась.

Потянула Труди на кухню, где, как обычно, хлопотала мадам Сниффлботтом.

— А нечего рассказывать. Подвёз по старой дружбе. Пошли лучше чаю выпьем. — Добрый день, смотрите, кто зашёл к нам в гости!

Экономка обернулась от плиты, и её брови медленно поползли вверх, пока не скрылись под седыми завитками причёски.

— Гертруда! Девочка моя!

Она заохала и засуетилась, то и дело хватаясь руками за пышную грудь.

— Проходи, проходи, дорогуша! Сейчас чаю вам с вареньицем налью!

— Я тоже рада вас видеть, — сказала Труди, усаживаясь за стол, — вот, булочек к чаю принесла.

Бумажный пакет она водрузила на стол, и по кухне поплыл соблазнительный аромат ванили и свежей сдобы.

Вскоре чай был готов. Мы смеялись и болтали о всяких глупостях. Я действительно соскучилась по моей, ставшей уже такой родной Труди. Мадам Сниффлботтом посидела с нами часок и отправилась на рынок. А я тут же воспользовалась моментом и задала не дающий покоя вопрос:

— Ну?!

— Что «ну»? — удивилась Труди, слизывая с пальцев сахарную пудру.

— Что у вас с Аластером?

Глава 3. Сердце Аластера

Труди отложила надкусанную булочку и посмотрела на меня с такой тоской в глазах, что я сразу пожалела о своём вопросе.

— Ничего, — тихо прошептала она.

Девушка поспешно схватила со стола чашку чая и сделала вид, что пьёт. Но я поняла, что Труди прячет навернувшиеся слёзы.

Я сочувственно сжала её плечо.

— Как же так? Вы вроде неплохо общались. И эти ваши «занятия» …

Подруга отставила чашку и смахнула катившуюся по щеке слезу.

— Я не знаю. Ты ведь видишь, как Аластер много сейчас работает. Он слишком порядочный и ответственный. Раз пообещал помогать мне с учёбой — будет помогать, что бы ни случилось. Мы встречались еще какое-то время по субботам в лаборатории, но мне больно было смотреть на него. Уставший, не выспавшийся, с красными глазами и осунувшимся лицом. Мне ведь, по правде говоря, не нужна была помощь Аластера, я вполне хорошо справлялась и сама. А потому мучить его было крайне эгоистично.

Труди нервным движением поправила свои кудряшки.

— Я начала отказываться от встреч сама, ссылаясь на то, что маме нужна помощь в лавке… Постепенно всё сошло на нет.

Мне стало ужасно стыдно. Я настолько погрязла в своих «проблемах», что совершенно не заметила, что происходит с двумя близкими мне людьми.

— Может, оно и к лучшему? Может, ты встретишь кого-нибудь другого, не такого сложного, как мой братец, и наконец обретёшь счастье, о котором мечтаешь?

Труди улыбнулась, но её губы задрожали.

— Я ведь люблю его, Марша. Уже столько лет…

Я рвано выдохнула и прижала подругу к себе. Гладила по спине, по волосам, вытирала льющиеся водопадом слёзы с её щёк.

— Может, тогда пора признаться ему? Вот прямо в лоб заяви, как есть! Сколько можно страдать?!

Труди отстранилась и посмотрела на меня с горькой усмешкой.

— Ему сейчас явно не до любовных приключений.

— Ему ВСЕГДА не до любовных приключений, — проворчала я.

— К тому же, зачем Аластеру знать о моих чувствах? Они явно не взаимны. А вдруг он из чувства долга решит сделать «всё правильно»?

Я скривилась.

— Труди, хватит думать о нём! Подумай наконец о себе! Тебе станет легче, когда ты откроешься и перестанешь нести этот груз на своих хрупких плечиках.

— Ага, просто умру на месте от стыда и конец страданиям, — подруга закатила глаза. — Вообще-то Аластер — твой брат, Марша. Ты должна радоваться, что я беспокоюсь о нём.

— А ещё он бесчувственный чурбан. Как тебя угораздило влюбиться в эту табуретку?

— Ну да, влюбиться в убийцу — гораздо романтичней, — с хитрым прищуром парировала Труди.

— Эй! — Я возмущенно пихнула негодяйку в бок, — и ничего я не влюблялась! Это он меня преследовал, как и положено маньяку.

Мы замолчали.

Часы на стене мерно отсчитывали секунды. За открытым окном исполняли трели соловьи и зарянки.

— Я знаю, что твоя мама подыскивает Аластеру выгодную партию, — срывающимся голосом проговорила Труди.

— О Боже, Труди! Не воспринимай эти слухи в серьёз! Маме просто скучно, и она обзавелась идеей фикс — выдать меня замуж. О том, что она ещё и Аластера сосватать хочет, я не знала, но уверена, что переживать не стоит.

Труди сжала губы, её пальцы нервно перебирали край скатерти.

— Может, она и права. Он же наследник, ему нужна достойная партия. А ещё он послушный сын. Сделает так, как скажут родители.

Я фыркнула:

— Ага, держи карман шире! Не будет он слушать маму в этом вопросе. Он уже большой мальчик. Скорее всего, поэтому она ищет ему невесту тайно, чтобы потом свести их каким-нибудь хитроумным способом.

Щёлкнул замок на двери, и мы с Труди затихли.

Стук каблуков, шелест платья.

В комнату элегантно вплыла мама. Как обычно, невероятно привлекательная и холодная, словно снежная королева.

— Добрый вечер, девочки, — одарив нас дежурной улыбкой, она оставила сумочку на небольшой тумбе и прошла к винному шкафу.

— Здравствуйте, — еле слышно шепнула Труди, пряча глаза.

— Привет, мам! Где была?

Виктория наполнила изящный фужер на тонкой ножке рубиновым напитком и подсела к нам за стол. Свежий запах её духов заполнил комнату, смешавшись с ароматом чая и булочек.

— На собрании благотворительного комитета, — ответила она, отпив вина. — А что это у вас тут за грустные лица? — Мама скользнула взглядом по заплаканным глазам Труди.

— Ой, мам, девчачьи драмы! Глупости всякие. Не забивай голову. — Я неопределённо взмахнула рукой и уткнулась в чашку, желая избежать дальнейших расспросов.

— М-м-м, — протянула мама. Её внимание переключилось на Труди. — Как поживает твоя мать, Гертруда? Я слышала, что у неё проблемы с поставщиками?

— Да, но… вроде бы всё уладилось. Спасибо, что спросили.

— Рада слышать. — Мама сделала ещё глоток, её пальцы лениво обвивали ножку бокала. — Кстати, Марша, Аластер ещё не возвращался?

— Нет. Наверное, опять задержался в лаборатории мистера Приста. А что?

— Разговорилась на собрании с леди Суини. На следующих выходных они устраивают приём, и мы приглашены.

— Мам, ты же знаешь, Аластер не любитель всех этих светских развлечений. Наверняка не пойдёт.

— Но семья Суини имеет большое влияние в сфере зельеварения. Будет много именитых гостей: профессор Флок, профессор Картер. — Мама хитро прищурилась, — кроме того, младшая дочь леди Суини — Элиза, обещала дать фортепианный концерт. Ах, это будет очаровательно! Аластеру будет любопытно познакомиться с ней. Говорят, Элиза выросла такой красавицей, что…

Труди подскочила со своего места. Стул с грохотом упал.

— Мне пора, — прошептала она, сжимая в руках красивую кружевную салфетку так, что пальцы побелели. — Мама ждёт меня в лавке. Простите.

Девушка неловко подняла тяжёлый стул и выбежала в прихожую. Я вскочила следом:

— Погоди, Труди! Я думала, ты останешься сегодня у меня на ночь. Мы ведь так давно не виделись!

— Нет-нет, — она торопливо натянула туфли. Пальцы дрожали, и она никак не могла справиться с застёжкой, — мне пора. Мне определённо пора.

— Передавай привет матери, Гертруда, — послышался весёлый голос Виктории из кухни.

Труди наконец справилась с обувью и стремглав выскочила за дверь. Я вернулась в комнату.

— Зачем ты это сделала?

— Что именно, дорогая? — Виктория поднесла бокал к губам, притворно невинно хлопая ресницами.

— Ты говорила об Элизе Суини не просто так.

— Ну конечно, — её губы растянулись в улыбке. — Элиза — прекрасная партия для Аластера. Умна, красива, из хорошей семьи…

— Мам! — я с силой стукнула кулаком по столу, отчего чашки звякнули. — Труди любит его! Ты же знаешь!

Мама на мгновение замерла, затем медленно поставила бокал.

— Любовь — это прекрасно, Марша. Но брак — это союз не только сердец, но и интересов. Аластер — наследник нашей семьи. Его выбор должен быть… разумным.

— То есть ты против, потому что её мать держит маленькую лавку зелий?

— Я против, потому что у неё нет ничего, что могло бы помочь нашему дому. Ни связей, ни состояния, ни даже имени.

Я сжала зубы.

— А если он её любит?

Мама рассмеялась — лёгкий, почти серебристый звук, от которого по спине пробежали мурашки.

— Милая, твой брат не влюблён. Он даже не замечает её.

Я хотела возразить, но дверь снова открылась. Папа и Аластер зашли в дом, что-то оживлённо обсуждая. Должно быть, они встретились по пути.

Альфред вошёл в кухню первым, поцеловал маму в щёку, обнял меня и торопливо заговорил:

— Дорогая, ты слышала новости?

Папа был так взволнован, что даже не заметил напряженную атмосферу между мной и мамой.

Аластер вошёл следом и устало опустился на стул, поприветствовав нас лишь кивком головы.

— Нет, милый, ты ведь знаешь, я теперь далека от политики, — меланхолично отозвалась мама.

Папа вытащил из портфеля газету и протянул ей.

— Король Боржовы, Августин, отправился в мир иной. Трон занял его преемник Вацлав.

— Что? Когда это произошло? — мама принялась листать газету в поисках статьи.

— Вот здесь, на главной странице, — Альфред показал пальцем на заголовок. — Да уж пару месяцев прошло, как упокоился старый тиран.

Я сунула нос в газету:

— А что такое? Почему все так взволнованы?

— Почти двадцать лет Боржова была закрытой страной. — отозвался со своего места Аластер, — Августин устраивал настоящие облавы на всех, кто обладал тем или иным магическим даром. Он был твёрдо уверен, что любые способности — происки дьявола, а люди-носители — грешники.

— Ого, — я удивлённо подняла брови, — значит, мне крупно повезло, что тогда вы забрали меня с собой в Мидленд.

— Да, зайка, — папа поцеловал меня в макушку, — как раз в то время, когда мы ездили по Боржове с Викторией, там и произошёл переворот, а потом и кровавые расправы. Мы едва успели покинуть страну до того, как Августин закрыл границы.

— И что теперь? — я перевела взгляд с газеты на отца. — Новый король тоже такой же… фанатик?

Папа покачал головой, его глаза заблестели с непривычным возбуждением:

— Вот в этом-то и соль! Вацлав — полная противоположность. Он учился за границей, изучал алхимию и даже, говорят, симпатизирует магическим сообществам.

Мама подняла голову:

— Ты хочешь сказать…

— Границы Боржовы открываются, — торжественно объявил папа. — И первая официальная делегация из Мидленда отправится туда через неделю.

— Чудесная новость. Надеюсь, народ Боржовы наконец вздохнёт полной грудью. — Мама перевела взгляд на Аластера, — Как прошёл твой день, дорогой? Ты голоден?

— Нет, мам, благодарю. Аппетита нет, устал.

Виктория нахмурилась.

— Ты слишком много работаешь, Аластер. Не думал найти что-то более подходящее для твоих выдающихся талантов? Фамилия Блум на слуху. Я уверена, в любой лаборатории примут тебя с радостью.

Аластер устало улыбнулся.

— Как раз об этом я и хотел поговорить. Нагрузка в лаборатории мистера Приста не столь велика, но параллельно я занимался своим личным проектом.

— Хм-м, любопытно. И что за проект? — заинтересовался папа.

— Зелье правды, — гордо ответил Аластер и обвёл торжествующим взглядом притихшее семейство.

— Невероятно… — проговорил Альфред. — Ты хочешь сказать, тебе удалось то, что не удавалось лучшим умам Мидленда? — отец пристально посмотрел на брата, в его глазах читалось неподдельное восхищение.

Аластер кивнул.

— Сынок, это точно? Ошибки быть не может? Ты уверен, что оно действует именно так, как должно? — уточнила мама.

— Уверен. Я отправил опытный образец в главную лабораторию арканумата.

— В столицу? — ахнула я.

В это время в прихожей послышался шум, и в кухню вошли мадам Сниффлботтом с полной корзинкой продуктов и Труди, старательно отводящая от мамы и Аластера взгляд.

— Здравствуйте. Извините, я на минуточку. Впопыхах забыла сумку…

Мадам Сниффлботтом прошла в кухню, весело щебеча:

— Ах, всё семейство в сборе! Приятно посмотреть. Сейчас я вас накормлю, мои хорошие! — Она водрузила корзинку на столешницу и продолжила, разгружая продукты. — А я иду, значится, с рынка. А тут эта красавица стоит у порога. Ни туды и ни сюды! Я ей и говорю: чего стоишь, как не родная! А ну пошли поужинаешь с нами. А она ни в какую! Нет и всё! Еле уговорила её зайти за сумкой, она всё меня просила вынести. Чудна́я.

Труди робко потянулась к забытой сумочке на стуле, но Аластер поднялся и с улыбкой обратился к ней:

— Гертруда, как кстати! Я хотел с тобой поговорить.

Труди замерла, будто олень перед охотником. Её пальцы сжали ремешок сумки.

— Я… да, конечно. Что ты хотел?

Аластер пытался поймать её взгляд, но Труди смотрела куда угодно, только не в его глаза.

— Гертруда, я скоро уезжаю в столицу.

— Уезжаешь? — Труди резко подняла взгляд.

— Да, нашёл новое место работы, — улыбнулся Аластер, — Но я предлагаю тебе занять моё место в лаборатории Приста. Я поговорил с хозяином, он согласен, если ты начнёшь выхо-

дить на пол ставки, пока учишься. Платит он очень хорошо, а его рецепты зелий довольно просты. Такая умная девушка, как ты, справится без труда. Что скажешь?

— Ты уезжаешь… — прошептала Труди. Кажется, она даже не слышала всё, что сказал Аластер после.

Труди стояла, сжимая ремешок сумки. В глазах мелькнула целая буря эмоций — растерянность, боль, разочарование.

Аластер нахмурился, явно ожидая другой реакции.

— Да, но это же прекрасная возможность для тебя. Лаборатория Приста — лучшая в городе.

Я видела, как она изо всех сил старается не расплакаться прямо здесь. Её глаза блестели, но слёзы она сдерживала.

— Труди… — я встала, чтобы подойти к ней, но мама ловко перехватила инициативу.

— Как мило с твоей стороны, Аластер, — Виктория улыбнулась, но в её голосе звучала лёгкая насмешка. — Позаботиться о будущем нашей маленькой Гертруды.

Труди резко подняла голову. Её голос стал неожиданно твёрдым и решительным.

— Если не скажу сейчас — буду жалеть и мучаться всю жизнь… Я люблю тебя, Аластер!

В комнате повисла гробовая тишина. Даже мадам Сниффлботтом замерла с кастрюлей в руках.

Аластер застыл, будто его ударили по голове. Его обычно бледное лицо покрылось лёгким румянцем.

— Ты… что?

— Ты слышал, — Труди вдруг выпрямилась. Все её прежние робость и неуверенность куда-то испарились. — Я люблю тебя и уже давно. И если это не взаимно, то тем лучше, что ты уезжаешь. Но я должна была открыть своё сердце тебе!

А потом она обхватила его лицо ладонями и притянула к себе, прижимаясь губами.

— Гертруда, что ты себе позволяешь! — мама вскочила с места, но папа придержал её за плечи.

— Тише, дорогая, молодые сами разберутся. Идём, выйдем в сад.

Мы с папой почти силой увели маму, оставив Аластера и Труди наедине. Через распахнутое окно доносились обрывки их разговора.

— Ты… ты действительно… — запинался обычно красноречивый Аластер.

— Да, — Труди говорила твердо, но её голос дрожал. — Я люблю тебя. И если ты сейчас скажешь, что это ошибка…

Тут раздался глухой стук — должно быть, Аластер прижал её к стене. Потом — долгая тишина.

Я украдкой заглянула в окно. Они стояли, обнявшись, и Аластер что-то шептал ей на ухо, а Труди кивала, прижимаясь щекой к его плечу.

— Ну что, Виктория, — папа с усмешкой наблюдал за мамой, — кажется, наш сын сделал «разумный выбор»?

Мама скрестила руки на груди:

— Это просто юношеская глупость! Гормоны! Он одумается, как только я познакомлю его с Элизой Суини…

— Как я одумался двадцать пять лет назад? — папа нежно обнял её. — Когда предпочёл дочь аптекаря всем знатным невестам?

Мама покраснела и отвернулась, но я заметила, как дрогнули уголки её губ.

В этот вечер мы с родителями и мадам Сниффлботтом ещё долго гуляли по нашему саду, пока наконец Аластер не отправился провожать Труди домой. Мама была крайне недовольна и постоянно ворчала, а папа по-доброму подтрунивал над ней. Я же была просто счастлива за подругу и брата.

Аластер вернулся через пару часов. Его обычно строгие черты смягчились, а в уголках губ играла едва заметная улыбка. Я встретила его в прихожей с хитрющим оскалом во всё лицо:

— Ну что, братец? — подошла я, толкая его плечом. — Поздравляю с признанием в любви. Хоть и не ты его сделал.

Он вздохнул, но улыбка не сошла с его лица:

— Марша, ты же знаешь, я никогда не был хорош в таких вещах.

— Зато Труди оказалась той ещё сердцеедкой, — рассмеялась я. — Представляю, как у неё тряслись коленки.

— О чём это вы? — раздался холодный голос мамы. Она стояла в дверях, закутавшись в шёлковую шаль. — Аластер, нам нужно поговорить.

Он кивнул и последовал за ней в кабинет. Я хотела подслушать у двери, но папа мягко взял меня за плечо:

— Дай им время, зайка. Пойдём, поможешь мне разобрать книги в библиотеке.

В кабинете мама ходила из угла в угол, её каблуки отстукивали резкий ритм по паркету.

— Ты понимаешь, что это безумие? — начала она без предисловий. — Гертруда — милая девушка, но…

— Но что, мама? — Аластер сел в кресло, спокойно сложив руки. — Она недостаточно знатна? Бедна? Или, может, её мать держит лавку вместо того, чтобы председательствовать в благотворительном комитете?

Виктория резко обернулась:

— Ты говоришь так, будто это мелочи! Но ты — наследник рода Блум. У тебя есть обязанности.

— А ещё у меня есть сердце, — тихо сказал он. — И оно принадлежит Гертруде.

Глава 4. Бал

На тумбочке громко трезвонил будильник. Не открывая глаз, я протянула руку и что есть силы хлопнула ладошкой по негодяю.

Ласковое весеннее солнышко скользнуло теплым лучиком по моему лицу. Я вдохнула свежий ветер, что врывался в комнату через распахнутое окно и раздувал тонкую тюль, словно парус. В саду громко щебетали птицы, слышался цокот лошадей по мостовой и чьи-то голоса. Раздался последний жалобный «дзинь», и воцарилась тишина. Я стащила с лица упирающегося Мистера Вискерса и откинула одеяло.

«Суббота… Такая рань. И чего им не спится? Ни за что бы не встала, если бы не чёртов бал».

Со стоном перекатилась на живот и накрыла подушкой голову.

«Пять минуточек. Ещё пять минуточек».

Я собиралась уже вновь окунуться в сладкие объятия Морфея, но дверь распахнулась, и в комнату, словно ураган, ворвалась мама.

— Так, соня, подъём! Проснись и пой! Сегодня важный день!

Двигаясь уверенно походкой от бедра, она забрала подушку и пошире раздвинула портьеры.

— Вставай, дорогая! — весело скомандовала Виктория, хлопая в ладоши. — У нас с тобой столько дел сегодня!

Я медленно приподнялась, протирая глаза, и недовольно протянула:

— Ну ма-а-а-ам!

Когда наконец разлепила веки, аж подпрыгнула на кровати:

— О Боже! Мама, что с тобой?

— А что со мной? — переспросила она, аккуратно поправляя тонкими пальцами густую белую массу на лице. — Ах, ты, наверное, про маску? Шикарная вещь! Всего пол часа — и кожа просто сияет! Мы и тебе такую сделаем.

— Нет-нет-нет! — я отползла к изголовью, с ужасом глядя на её лицо, покрытое отвратительной белой субстанцией, от которой веяло чем-то травяным и подозрительно кислым. — Это похоже на тесто для блинов… или на цемент!

Мама улыбнулась, и маска местами потрескалась.

— Не драматизируй! Это глина с мёдом и розовой водой. Последний писк моды в высшем свете. И хватит мне зубы заговаривать, марш в ванну!

Я со вздохом слезла с кровати и пошлёпала босыми ногами приводить себя в порядок.

А эта суровая женщина всё-таки исполнила свою угрозу, измазав моё несчастное лицо этим белым безобразием. Потом ещё и блинчики отобрала, которые для меня с любовью приготовила мадам Сниффлботтом.

— Нет-нет-нет. Куда такое жирное? — мама выхватила тарелку с божественным угощением прямо у меня из-под носа. — Она же потом в платье не влезет. Организуйте, пожалуйста, овсянку на воде и зелёный чай.

— Ты точно хочешь моей смерти, — я проводила тоскливым взглядом стопочку блинчиков.

— Отнюдь. Я хочу устроить твою личную жизнь.

— А меня моя жизнь, хоть личная, хоть общественная, вполне устраивает!

— Даже не начинай, Марша Франческа Блум. У нас с тобой было уже миллион бесед на эту тему. Я уже говорила тебе, что потом ты мне ещё спасибо скажешь.

Я лишь закатила глаза, понимая всю тщетность споров с мамой. В этом вопросе она была непоколебима, как скала.

Виктория, не торопясь, выпила ягодный чай, пока экономка варила для меня пресную овсянку, и отправилась принимать ванну.

Как только мама скрылась за дверью, мадам Сниффлботтом вернула мне блинчики, щедро политые клубничным сиропом, и, поцеловав в макушку, добавила:

— Ещё чего удумала, дитё голодом морить! Кушай, милая. Растущему организму нужно много сил!

Я с благодарностью прижалась щекой к морщинистой руке, а затем принялась уплетать блинчики за обе щёки.

— Мадам Сниффлботтом, вы мой спаситель! — заявила я.

— Тссс, тише, дитя! — экономка бросила тревожный взгляд на дверь. — Если ваша матушка узнает, мне не сносить головы!

Я кивнула, быстро запихивая в рот последний блинчик.

— Пафыба!

Я вытирала рот салфеткой и прикидывала, удастся ли улизнуть из дома на пару часиков, чтобы навестить Труди. Не терпелось обсудить с ней события вчерашнего дня и узнать новые подробности.

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Буквально минуту спустя в дверь постучали, и мадам Сниффлботтом впустила целую вереницу галдящих девушек, несущих разнообразные коробки, свёртки и чехлы.

Какие муки я вытерпела в течение следующих нескольких часов — не передать словами. Меня скребли жёсткими щётками и оттирали лосьонами, пудрили и мазали, прыскали притор-ными духами и завивали волосы раскалёнными щипцами. Апогеем моих страданий оказалось облачение в бальное платье.

Корсет затягивали три женщины одновременно, и я была уверена, что вот-вот тресну пополам, как переспелый арбуз.

Но мама лишь слегка улыбнулась, поправляя бриллиантовые серьги и глядя на меня в отражении зеркала.

— Мама, я умру! Мне нечем дышать!

— Не выдумывай, дорогая. Лёгкая аристократическая бледность тебе даже к лицу.

— А аристократические обмороки? Они сейчас тоже в моде? — процедила я сквозь стис-нутые зубы, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха. — Если помру — Мистера Вискерса завещаю Труди!

Услышав имя моей подруги, мама недовольно поморщилась, но быстро взяла себя в руки и широко улыбнулась.

— Ты выглядишь просто восхитительно, дорогая! — Она расправила складки на пышной юбке моего платья и взяла под руку, увлекая к выходу. — Уверена, Вернон Маклир будет очарован!

В ответ я прорычала что-то неразборчивое и, насупившись, поплелась вслед за мамой.

Пока мы ехали в экипаже к поместью Маклиров, мама сыпала советами о том, как следует вести себя в приличном обществе.

— Марша, прошу тебя, постарайся хотя бы ради меня! — Виктория вновь улыбнулась, а я подумала, что у неё подозрительно хорошее настроение.

Вчера, когда Труди и Аластер наконец объяснились друг с другом, она была сама не своя. Нервничала и злилась, пыталась объяснить Аластеру, что он ошибся в выборе возлюбленной. А сегодня была удивительно безмятежна, часто улыбалась и выглядела вполне умиротворённой.

Я поёрзала на сиденье, думая, как же поделикатнее узнать причину такой перемены.

— Мам, а приглашение на музыкальный вечер в поместье Суини ещё в силе? Может, тогда я съезжу с тобой вместо Аластера? Что-то очень захотелось живой музыки послушать.

Виктория удивлённо вскинула брови:

— А с чего ты взяла, что Аластер не пойдёт? Но если у тебя возникло такое несвойственное для тебя желание, я обязательно возьму ещё один пригласительный у леди Суини.

— Но как же! Ты ведь хотела его познакомить на вечере с Элизой!

— Да.

— Но теперь же Аластер и Труди…

— Марша, — мама перебила меня тоном, не терпящим возражений, — если твоего брата поцеловала какая-то девица, это ещё ничего не значит.

— Но…

— Довольно! — мама резко хлопнула в ладоши. — Мы приехали. И я не хочу больше слышать ни слова об этом. Сегодня ты будешь мила, обворожительна и послушна. Поняла?

Я скептически посмотрела на неё.

«Сама-то веришь, что это возможно?»

Экипаж остановился перед величественным особняком Маклиров. Через окно я видела, как к крыльцу уже подъезжали другие гости.

Лакей распахнул дверцу экипажа, и мама грациозно вышла, сияя белоснежной улыбкой. Я последовала за ней, чувствуя, как ненавистный корсет впивается в рёбра.

Мы поднялись по мраморным ступеням, и в нос тут же ударил запах дорогих духов, цветов и алкоголя. В огромном холле с высокими потолками, украшенными лепниной, уже толпились гости. Дамы в пышных платьях и кавалеры в строгих фраках обменивались последними светскими сплетнями.

Как только мы вошли в зал, десятки глаз тут же уставились на маму. Женщины провожали её завистливыми взглядами, перешёптываясь. Мужчины же не могли отвести взор от её изящной фигуры, обрамлённой роскошным платьем из дорогого шёлка цвета шампанского.

— Виктория Блум, — прошептал кто-то из мужчин, и в его голосе явно звучало восхищение.

Мама, будто не замечая этого, шла с лёгкой улыбкой, держа осанку, словно королева. Она ловила взгляды, но отвечала на них лишь лёгким кивком. А я подумала о том, что надо бы намекнуть папе, чтобы он почаще появлялся в свете вместе с мамой.

— Ах, Виктория, наконец-то! — к нам подплыла леди Маклир, мать того самого Вернона, в тяжёлом платье цвета бордо и массивном колье. — Мы уже начали волноваться.

— Анна! Я так рада тебя видеть. Познакомься, это моя дочь Марша Франческа. Марша, это леди Анна Маклир, председатель нашего благотворительного комитета и просто прекрасная женщина.

Леди Маклир оценивающе окинула меня взглядом, слегка кивнула и тут же перевела разговор на тему погоды.

Я же тем временем решила улизнуть поближе к столу с закусками и как следует надегустироваться. Но мама тут же схватила меня за локоть, словно почуяв мои намерения.

— Марша, куда это ты? — прошептала она сквозь зубы, не переставая улыбаться.

— Я есть хочу.

— Улыбайся, к нам идёт Вернон.

Мамины пальцы впивались мне в руку, корсет — в рёбра. Хотелось ощутить вкус паштета на языке, а приходилось смотреть, как к нашей компании ковыляет высокий и чересчур бледный Вернон Маклир. Юноша был одет по последней моде и держался так, что сразу было ясно — парень знает себе цену.

Вернон поприветствовал маму, а затем приблизился и с томным видом, слегка наклонив голову, поцеловал мне руку, задержав губы на пару секунд дольше, чем следовало бы.

— Мисс Блум, — произнёс он с придыханием, — вы просто очаровательны.

Я едва сдержала смешок. Его голос звучал так, будто он нарочно пытался имитировать томного романтического героя из дешёвого романа.

— Спасибо, — выдавила я, отводя взгляд к столу с закусками, где одинокий лососевый канапе манил меня, как маяк в бурном море светских условностей.

— Виктория, — леди Маклир положила руку на плечо маме, — нам нужно обсудить кое-что важное. Оставим молодых людей, пусть познакомятся поближе.

Мама бросила на меня взгляд — тот самый, что означал: «Если ты испортишь этот вечер, я тебя похороню в саду рядом с розами» — и удалилась вместе с леди Маклир.

Вернон тут же воспользовался моментом и придвинулся ближе, загораживая мне обзор на желанные закуски.

— Вы любите поэзию, мисс Блум? — спросил он, томно закатывая глаза.

— Угу.

— Чудесно! Я, знаете ли, и сам люблю написать пару строф в ночи при луне. Послушаете?

«Это мне за все мои грехи», — подумала я, но вслух сказала:

— Конечно, лорд Маклир!

И улыбнулась так, что лошадь мне бы позавидовала.

— Ну что вы! Лорд Маклир — это мой отец. Зовите меня Вернон.

И Вернон принялся самозабвенно декламировать стихи. Я же подхватила у проходящего мимо официанта с подноса фужер с шампанским и принялась разглядывать гостей.

Вернон тем временем, не замечая моего отсутствующего взгляда, продолжал изрекать, прикрыв глаза:

«Я так устал быть идеалом,

Во всём хорош, как ни крути…»

Я пригубила шампанское (жуткая кислятина) и вдруг заметила знакомую фигуру у входа.

Мортис Гримм, облачённый в парадный костюм, под руку со своей бабушкой Амалией, чинно прошествовал через весь зал, собирая заинтересованные взгляды публики.

«Ого, да вы у нас светский лев, ментор Гримм», — мысленно хихикнула я, — «да ещё и в такой любопытной компании».

Предвкушая, как в понедельник буду обсуждать эту сплетню с Джиной, я вновь скользнула взглядом по гостям, кружащимся на паркете парам и онемела. Среди танцующих дам и господ кружилась полупрозрачная женщина в старинном платье. Её длинные седые волосы парили в воздухе безумным облаком, будто на них не действовали силы гравитации… Хотя о чём это я! Какая к чёрту сила гравитации?! Это же призрак!

Женщина громко пела и энергично размахивала руками. Иногда она толкала кого-нибудь из танцующих и заливалась безумным смехом.

Настоящих призраков я не видела давно. Последним мною встреченным был призрак мадам Фокстер, и это чуть не закончилось трагедией.

Я крепко сжала ножку фужера и нервно сглотнула.

Вернон заметил моё замешательство и, проследив за моим взглядом, снисходительно произнёс:

— Ах, Марша, вы хотите потанцевать, но стесняетесь пригласить меня?

— Нет, я…

— Не переживайте, я всё понял.

Я не успела возразить, как Вернон уже схватил меня за руку и потащил к кружащимся парам. В этот момент призрачная дама резко развернулась в нашу сторону. Её пустые глазницы уставились прямо на меня, а полупрозрачные губы растянулись в жутковатой улыбке.

«Ты видишь меня…» — её голос проскрипел у меня в голове.

Я резко дёрнулась, но Вернон, приняв это за кокетство, только крепче сжал мою руку.

— Не робейте, мисс Блум! — томно прошептал он, прижимая мою ладонь к своему сердцу. — Этим вечером я весь ваш…

Призрак тем временем кружился вокруг нас, хохоча и то и дело заглядывая мне в лицо, дёргая за волосы или толкая в спину.

Я стиснула зубы, стараясь не реагировать на её выходки. Нужно было как-то вытерпеть этот танец, отвязаться от Вернона и найти Мортиса.

— Лорд Маклир, — попыталась я освободить руку, но Вернон лишь притянул меня ближе, — мне кажется, здесь слишком душно…

— О, не волнуйтесь, — он томно вздохнул, — чуть позже я обязательно покажу вам наш сад. Там, в тени листвы, мы сможем насладиться прохладой и обществом друг друга.

Призрак захихикал и, подкравшись сзади, резко дёрнул меня за локон. Я вскрикнула и, сбившись с ритма, наступила Вернону на носок.

— Ой! Простите!

— Ничего, — он благосклонно улыбнулся, — ваша неловкость лишь добавляет вам очарования.

«О, Господи, да когда же это закончится?»

Призрачная дама, видимо, решила, что я — её новая игрушка. Она начала кружить вокруг нас, то поддувая в ухо, то щекоча шею ледяными пальцами. Я едва сдерживала дрожь, но Вернон, похоже, принял это за волнение от его общества.

— Вы дрожите… — прошептал он, прижимая мою руку к своей груди. — Не бойтесь, я здесь.

— Да нет, просто… холодно! — я резко отстранилась, но он снова притянул меня.

— Вы такая непостоянная. Минуту назад вам было душно. Но, кажется, я понял вашу игру. Позвольте согреть вас…

Его рука скользнула по моей талии, опускаясь значительно ниже, чем позволяли приличия. Призрак за спиной замер, заинтересовавшись развитием событий.

— Лорд Маклир! — я попыталась отстраниться, но он лишь прижал меня крепче.

— Тссс, не будьте такой стыдливой… — его горячее дыхание обожгло ухо.

— Нет! — Я вырвала руку и что есть силы толкнула нахала в грудь.

Ещё бы и пощёчину отвесила, но юноша, не ожидая от меня такой прыти, потерял равновесие, сделал два шага назад, комично размахивая руками, задел официанта с полным подносом шампанского и рухнул на стол с закусками.

Зал замер, музыканты перестали играть. Даже призрак прекратил дёргать меня за волосы и радостно захлопал в ладоши:

— Весело! Весело! С тобой так весело, видящая девочка! Аха-ха-ха!

Люди, стоящие рядом, отшатнулись от меня, как от чумной, образовав своеобразный полукруг порицания, и теперь взволнованно перешёптывались, качая головами и кидая презрительные взгляды. Леди Маклир схватилась за сердце и издала звук, похожий на свист закипающего чайника. Мама, бледная как полотно, испепеляла меня взглядом, нервно сжимая руки.

Прислуга кинулась поднимать юного лорда, счищая с его щегольского костюма остатки паштета и крема.

Я затравленно оглянулась и столкнулась взглядом с Мортисом. Некромант удивлённо смотрел на меня, не отрываясь, даже рот немного приоткрыл.

— Марша Франческа Блум! — раздался ледяной голос матери. Она стремительно приближалась, и я отчетливо увидела, как дрожат её губы от ярости. — Что ты здесь устроила! Немедленно извинись перед лордом Маклиром!

Призрак, завидев её, радостно закружился вокруг:

— О-о-о! Мамаша пришла! Тебе сейчас влетит, девочка!

— Я… могу всё объяснить!

— Мисс Блум… — Вернон, наконец поднявшись с пола, выпрямился и с пафосом провёл рукой по взъерошенным, перепачканным кремом волосам, — вы… вы просто очаровательны в гневе!

Мама остановилась как вкопанная, а я подумала, что, должно быть, лорд нехило приложился головой при падении о какую-нибудь хрустальную вазу. Зал ахнул. Даже призрак замер в недоумении.

— Что… что вы сказали? — прошептала Виктория.

— Я сказал, что её дикость… восхитительна! — он повернулся ко мне, и в его глазах горел странный восторг. — Ни одна девушка в этом скучном обществе не осмелилась бы так поступить! Марша, вы… вы невероятны!

Леди Маклир издала звук умирающего лебедя и рухнула в обморок прямо в руки дворецкого.

Тут уж растерялась я.

Из зала донёсся шёпот:

— Он с ума сошёл…

— Это же просто неприлично!

— Какая дерзость!

— А мне нравится, это так романтично…

Последнюю реплику, кажется, выдала одна из молодых девиц, тут же прикрывшая рот веером.

Видимо, заскучавший призрак вновь вспомнил обо мне и что есть силы ущипнул за бок.

— Ай! Да что тебе от меня надо! — выкрикнула я.

— Марша! — мама ахнула, глядя на меня с ужасом.

Все вокруг замерли.

Призрак захихикал и начал кружить вокруг меня, дразняще шепча прямо в ухо:

— Они думают, ты сумасшедшая! Сумасшедшая! Ха-ха-ха!

Но больше терпеть выходки сумасбродной нежити я не собиралась. Резко развернулась на пятках и, не говоря ни слова, направилась прямиком к Мортису, провожаемая обескураженными взглядами и уже не на шутку раздражающими шепотками.

— Нужно поговорить. Срочно.

Я схватила его за предплечье и потянула за собой к выходу. Как только мы вышли на улицу, призрак отстал. Похоже, он не мог покидать пределы дома.

Мортис с улыбкой взглянул на меня:

— Здравствуй, Марша. Чудесно выглядишь. Не ожидал встретить тебя здесь, но твоими стараниями вечер заиграл новыми красками. — Некромант подмигнул мне.

Мне жутко захотелось треснуть Мортиса по довольной морде лица. Я, значит, тут страдаю от нападок надоедливого призрака, терплю приставания неадекватного лорда, а он веселится! Можно подумать, я всё это устроила для его развлечения!

— Здравствуйте, ментор Гримм. Я тоже не ожидала, что вы такой любитель светских приёмов, но вот мы оба здесь. А ещё здесь полоумный щиплющийся призрак, который пристал ко мне, как банный лист. А сейчас, пока мы обмениваемся любезностями, он, возможно, щиплет ещё какую-нибудь несчастную даму.

Веселье Мортиса как ветром сдуло. Он вновь стал предельно внимательным и собранным. Подробно расспросил меня о произошедшем и задумчиво нахмурился.

— Что будем делать, Мортис?

— Если я правильно понял, сущность могла взаимодействовать не только с тобой, но и с другими гостями. А значит, она достаточно сильна… Почему ты сразу не попыталась обезвредить призрака?

— Простите, ментор Гримм, но бальное платье не подразумевает карманов. Да и брать с собой на приём амулеты и свечи никто бы не стал.

Некромант ухмыльнулся и извлёк из кармана связку амулетов и несколько свечей.

— Вам ещё многому придётся научиться, мисс Блум. Запомните, нечисть никогда не объявляется по расписанию, и некромант всегда должен быть готов дать ей отпор.

Я закатила глаза:

— Непременно запомню и в следующий раз дополню свой образ мешком с амулетами и книгу изгнаний прихвачу. Хотя, сомневаюсь, что после сегодняшнего меня пустят ещё хоть на одно подобное мероприятие.

Когда мы вернулись в зал, Вернона там уже не было. Очевидно, отправился отмываться и переодеваться. Призрак занимался тем, что пытался развязать корсет на одной из дам, но, завидев меня, тут же бросил своё занятие и через секунду оказался рядом, хлопая в ладоши:

— Ты вернулась, девочка! Чем займёмся? Давай веселиться!

— Она здесь… — шепнула я Мортису.

Он крепко сжал в руке амулет и глубоко вдохнул, прикрыв глаза.— Знаю. Теперь я её чувствую.

— А этот хмурый мне не нравится! — заявил призрак. — Давай утопим его в фонтане!

— Нужно убрать из зала людей, идём, найдём леди Маклир, — тихо сказал Мортис.

Мы нашли хозяйку вечера довольно быстро. Она полулежала на мягком диванчике. Слуги обмахивали её веерами, а рядом суетилась мама, то предлагая стакан воды, то рассыпаясь в извинениях.

Леди Маклир при виде меня приподнялась на локте, её бледное лицо исказилось от негодования.

— Ты? Как ты посмела вернуться?!

— Леди Маклир, — спокойно и уверенно перебил женщину Мортис, — в вашем доме прямо сейчас находится беспокойный призрак. Он может навредить гостям. Прошу вас прямо сейчас закончить вечер и вывести всех из зала.

— Что за чушь! В моём доме нет и никогда не было никаких призраков! Я не позволю вам пугать моих гостей и превращать вечер в катастрофу!

И леди Маклир отвернулась, поджав губы, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен.

Мы отошли в сторонку.

— Что теперь? Уйдём? — шепнула я.

— Конечно, нет. Мы не можем подвергать стольких людей опасности из-за прихоти одной избалованной аристократки.

Мортис нахмурился, его пальцы нервно постукивали по амулету.

— Ты видишь её прямо сейчас?

Я бросила взгляд через его плечо. Призрак увлечённо тянул обескураженного господина за усы, но, словно почувствовав внимание, тут же подлетел ближе, склонив ко мне своё полупрозрачное лицо.

— Конечно, видит! — захихикала она, дёргая меня за локон. — Девочка особенная!

— Да, — прошептала я, стараясь не моргнуть. — Она прямо передо мной.

Мортис резко выпрямился, выбросил руку с амулетом вперёд и громко произнёс:

— Te in amuleto claudo, larva!

Призрак зашипел, показывая клыки, и попытался отлететь от некроманта. Но что-то его удерживало.

— Te includo et robur tuum tollo, umbra!

Амулет засветился ярким голубым светом. Волосы и платье призрака затрепетали, втягиваясь в сердцевину амулета, но в следующий миг произошло то, чего никто из нас не ожидал.

Фигура призрачной женщины начала увеличиваться в размерах. Её лицо исказила маска гнева. Клыки удлинились, ногти превратились в подобие острых клинков.

— А-а-а! Здесь монстр! Монстр!

Похоже, теперь огромного призрака видели все. Люди пытались бежать, расталкивая друг друга. Крики, паника, грохот опрокидываемой мебели.

— МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ВЕСЕЛО!!! — взревел гигантский призрак и рванул к потолку, сбивая тяжёлые люстры.

Глава 5. Амалия

Одна из огромных люстр с грохотом рухнула прямо на стол с десертами, разлетаясь тысячами хрустальных осколков.

— Всем вон! — рявкнул Мортис. — Марша, уведи людей!

Он выхватил из внутреннего кармана мел и принялся торопливо расчерчивать пол символами, не прекращая читать заклинание изгнания.

Кто-то сильно толкнул меня, и я едва удержалась на ногах, споткнувшись о подол платья. Вокруг царил хаос: дамы в панике кричали и плакали, мужчины толкались, пытаясь прорваться к выходу. Мама схватила меня за руку и потащила за собой, но я вырвалась.

— Марша! — её голос дрожал от ужаса. — Что ты делаешь?

— Мама, спасайся! Я должна помочь Мортису! — крикнула я и побежала обратно.

Призрак, теперь уже больше похожий на разъяренного демона, кружил под потолком, сбивая тяжёлые картины и разрывая шторы. Его смех превратился в рёв, от которого дрожали стёкла.

Мортис закончил чертить пентаграмму и чиркнул спичкой, собираясь зажечь чёрную свечу, но призрак внезапно спикировал вниз, прижав некроманта ногой к полу с нечеловеческой силой. Раздался хруст, и Мортис глухо застонал. Бледный лоб вмиг покрылся испариной.

— Мортис!

Я собиралась броситься к нему, не имея ни малейшего понятия, как помочь.

Но тут раздался громкий, грудной голос, который пробрал до мурашек:

— А ну, отпусти моего внука, мерзкое отродье.

Из-за стола медленно поднялась Амалия. В руках старушка крепко сжимала трость с набалдашником в виде черепа.

Призрак замер, будто почувствовал нечто опасное. Он резко наклонился к некромантке и шумно втянул ноздрями воздух.

— Тебе не справиться со мной, старуха!

— Да я по сравнению с тобой ещё девчонка, рухлядь, — парировала Амалия и стукнула тростью об пол.

Гул разнёсся по залу. Череп вспыхнул зелёным мистическим светом. Глаза некромантки закатились, и она неестественно, словно её дёргали за ниточки, вскинула руку с тростью вверх.

Пол под призраком почернел, мраморные плиты раскололись, и из трещин вырвались черные щупальца, впиваясь в сущность.

Он завизжал, задергался, но тщетно. Щупальца быстро оплели руки и ноги призрака, растягивая в разные стороны.

— Девочка, — Амалия обращалась ко мне, но её голос звучал откуда-то из глубины, словно несколько человек говорили одновременно, — найди то, что удерживает эту тварь здесь. — Женщина повернула ко мне лицо с белёсыми глазами. — Поторопись. Я долго её не удержу.

Всё это время я стояла как каменный истукан, сжимая подол платья и боялась даже дышать. Голос Амалии наконец вернул меня в реальность.

Вокруг царил хаос — разбитая посуда, перевернутая мебель, испуганные гости. Призрак продолжал вырываться из щупалец, его вопли становились всё громче.

«Найти связь. Я должна найти связь!»

Превозмогая животный ужас, я приблизилась к призраку, вытянула вперед руки и крепко зажмурилась, выпуская силу.

Сначала я ничего не могла разобрать. Ощупала гигантскую фигуру внутренним взором с ног до головы, но не могла уловить даже отголоски связи призрака с внешним миром.

«Давай же, Марша! Где твои хвалёные таланты, когда они так нужны!»

Я зажмурила глаза ещё крепче, до ярких цветных точек на чёрном фоне. Вновь начала прощупывать призрака… и нашла!

Тонкая, почти прозрачная нить тянулась от груди сущности, петляя по залу. Я двинулась по ней, не открывая глаз. Пару раз споткнулась о перевёрнутую мебель, разбила коленку, но всё-таки нашла источник.

Леди Маклир, в попытках спастись, полезла в открытое окно, да так и застряла там, зацепившись платьем за гвоздь. На её призывы о помощи никто не реагировал. Очевидно, прислуга в этой давке и неразберихе потеряла свою госпожу. А может, просто сбежала, спасая свою жизнь.

Призрачная нить тянулась аккурат к рубину на массивном колье хозяйки вечера.

Я впилась пальцами в украшение леди Маклир прежде, чем та успела понять, что происходит.

— Что ты делаешь?! — закричала она, пытаясь вырваться. — С ума сошла?!

Но я решила не тратить время на препирания и что есть силы рванула колье с высокородной шеи леди. Цепочка порвалась, и добыча оказалась в моих цепких пальцах. Я кинулась обратно к призраку и принялась шарить руками по полу, в поисках мелка Мортиса.

Хоть некроманта больше не придавливала гигантская ступня, выглядел он крайне плохо. Лежал на полу словно тряпичная кукла с раскинутыми руками и ногами, из уголка рта стекала тонкая струйка крови.

— Быстрее, девочка!

Руки Амалии дрожали. Она явно из последних сил удерживала неистово бьющегося призрака. Я закусила губу до боли, стараясь унять рвущиеся из груди всхлипы и панику. Передвигаясь по полу на четвереньках, отбрасывала обломки и осколки, моля все высшие силы разом о том, чтобы найти чёртов мел!

И он наконец нашёлся в обломках люстры.

Не обращая внимания на изрезанные пальцы, я кинулась к смазанной пентаграмме Мортиса и широкими штрихами восстановила линии. Затем поместила проклятое колье в центр и скороговоркой протараторила слова изгнания.

Рубин вспыхнул кроваво-красным светом, затем почернел и треснул с жутким хрустом.

Призрак взвыл, его форма начала распадаться на чёрные клочья, словно пепел на ветру.

Амалия опустила руки, тяжело опираясь на трость. Больше не было нужды удерживать сущность.

Я стояла на коленях, кровь с порезанных пальцев капала на разбитый мрамор. Глаза неотрывно следили за последними клочьями призрака, растворяющимися в воздухе.

***

Мы с леди Маклир сидели в кабинете арканума, испепеляя друг друга взглядами. Генри Стрикленд невозмутимо заполнял необходимые бумаги, а за дверью бушевала мама.

— Я не позволю вам просто так обвинять и допрашивать мою дочь! — её голос гремел даже сквозь толстую дубовую дверь. — Немедленно впустите меня! Я мать! Я имею право!

— Мадам, ваша дочь уже совершеннолетняя и в состоянии сама дать показания. Успокойтесь, прошу вас! — пытался урезонить её несчастный помощник Стрикленда. — Присядьте. Принести вам кофе?

— Да я тебе этот кофе на голову вылью! Ты вообще знаешь кто я такая?! — ручка двери нервно задёргалась, мама пыталась войти в кабинет. — Немедленно верните мне мою дочь! Марша! Марша! Мама здесь!

Генри Стрикленд тяжело вздохнул и прочистил горло, привлекая наше внимание.

— Леди Маклир, вы утверждаете, что Марша Блум и Мортис Гримм посреди приёма вызвали гигантского призрака, чтобы опорочить вашу честь и достоинство и обокрасть?

Леди Маклир, теперь уже без своего роскошного колье, но с гордо поднятым подбородком, холодно сказала:

— Всё так, господин арканум. И есть множество свидетелей, которые готовы подтвердить мои слова. Они угрожали мне, а эта девица ещё и покушалась на жизнь моего единственного сына! Не получив желаемого, они и призвали это исчадие ада!

Честное слово, если бы мои несчастные изрезанные и наскоро забинтованные руки так не болели, я вцепилась бы в волосы этой надменной стерве и как следует опорочила бы её «честь и достоинство».

— Благодарю вас. Теперь я хотел бы услышать версию мисс Блум.

Я пыталась говорить спокойно, но голос дрожал от сдерживаемой ярости.

— Призрака на приём призвала сама леди Маклир, нацепив проклятое колье. Уж не знаю где она его взяла, это в вашей компетенции, мистер Стрикленд.

— Что за вздор? Как ты смеешь! Это наше фамильное украшение! — взвизгнула Анна, вскочив со стула, но арканум жестом велел женщине вернуться на место.

— Мы с мистером Гриммом предупреждали её об опасности и о том, что людей необходимо вывести из особняка, — продолжила я, стараясь не замечать то, как достопочтенная леди пыхтит от злости. — Но, к сожалению, леди Маклир не поверила нам.

— Конечно я вам не поверила! Какая-то взбалмошная соплячка и учитель-первогодка указывают что мне делать!

Я перевела злобный взгляд на леди.

— И к чему привело ваше высокомерие и упёртость? Столько людей пострадало в давке, а Мортис… — не удержавшись, я всхлипнула. Горячая слеза скатилась по щеке. — Клянусь, если он не выживет, я лично буду каждый день призывать целый хоровод призраков в ваше проклятое поместье.

— Вот видите? Видите?! Мистер Стрикленд, да она мне при вас угрожает!

Генри протянул мне платочек и сочувственно сжал плечо.

— Марша, держи себя в руках. Я уверен, жизнь мистера Гримма вне опасности.

Затем арканум вытащил из ящика стола свёрток с остатками колье и положил на стол.

— То есть вы утверждаете, леди Маклир, что это ваше фамильное украшение?

Анна энергично закивала головой:

— Да-да, наше. Оно не могло быть проклято! Наверняка эта девчонка сама и…

Но Генри перебил её:

— И вы не покупали его неделю назад у чёрного копателя Стиви Брю, известного в криминальных кругах под кличкой «Лопата»?

Леди Маклир побледнела, как полотно. Ее пальцы судорожно сжали подлокотники.

— Это… Это клевета!

— Стиви Брю сейчас находится в подвалах арканумата. А это, — Стрикленд указал на колье, — драгоценность, пропавшая из фамильного склепа Фицджеральдов. У вас на шее, леди Маклир, висело колье, снятое с шеи мертвеца. Как же так получилось, что такая знатная дама обратилась за обновкой к чёрному копателю, а не отправилась в бутик?

— Я больше не скажу ни слова. Ваши обвинения, мистер Стрикленд, меня оскорбляют. Это я жертва в этой истории. Жертва! Не преступник.

— Разберёмся. — Строго отрезал арканум и обратился ко мне, — Идём, Марша, я провожу тебя к маме, пока она не вынесла дверь в кабинет и не растерзала несчастного Джипса.

И под визги леди Маклир, о том, что мы со Стриклендом подозрительно спелись и здесь всё куплено, вышли из кабинета.

Дверь едва успела закрыться за нами, как мама налетела на меня, сжимая в объятиях так крепко, что я едва могла дышать.

— Ты цела! — её голос дрожал. — Я думала… Когда я увидела этого монстра…

Я неловко похлопала маму по спине, не привыкшая к столь бурным проявлениям чувств, с её стороны.

— Всё хорошо, мам. Я в порядке.

Генри тактично отошёл в сторону, давая нам время. Когда мама наконец отпустила меня, её глаза были ещё влажными, но в них уже загорался знакомый огонь негодования.

— Потрудитесь объяснить мне, господин Стрикленд, в чём обвиняют мою дочь?! Все эти люди на балу… да они жизнью обязаны моей Марше! Если бы не она…

Арканум мягко перебил гневную тираду Виктории.

— Мисс Блум является важной свидетельницей и ни в коем случае не обвиняемой. Не волнуйтесь.

Потом он протянул мне руку для рукопожатия, но, увидев бинты, смутился, неловко кашлянул и спрятал ладонь за спину.

— В который раз выражаю вам благодарность, Марша. Надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

— Ни в коем случае! — встряла мама. — Сегодня я чуть не потеряла тебя, дорогая! Ты больше не будешь заниматься всеми этими загробными штучками.

— Но мам!

В коридоре послышались торопливые шаги и взволнованные голоса. К нам бежали папа и Аластер.

— Девочки, с вами всё в порядке? — папа сгрёб нас в охапку и крепко прижал к себе, — Мы приехали, как только узнали о случившемся. Сначала к поместью Маклиров, а там аркануму подсказали, где вас искать.

Аластер молча наблюдал за нами, но я заметила, как его пальцы слегка дрожат. Он всегда был сдержан, но сейчас даже он не мог скрыть волнения.

— Не волнуйся, пап. Мы в порядке. Но я хотела бы навестить Мортиса. Он сильно пострадал. Отвезешь меня в больницу?

— Нет! — воскликнула мама. — Об этом не может быть и речи! Ты еле стоишь!

Я хотела возразить, сказать, что я в порядке, я справлюсь, но внезапно ноги подкосились от усталости. Всё произошедшее навалилось разом — адреналин отступил, оставив после себя дрожь и пустоту.

Папа подхватил меня, не дав упасть.

— Всё, хватит. Мы едем домой.

— Но Мортис… — я попыталась вырваться. — Он в больнице, я должна…

— О нём позаботятся, — твёрдо сказал Аластер. — Уверен, мадам Гримм уже всех лекарей на уши поставила и организовала ему лучший уход. А завтра с утра мы вместе съездим в госпиталь.

Мама, наконец немного успокоившись, обняла меня за плечи.

— Пойдём, дочка. Ты заслужила отдых.

И я сдалась.

Дома я с наслаждением стянула с себя бальное платье, облачившись в мягкую пижаму. Мадам Снифлботтом, непрестанно вздыхая и роняя слёзы, обработала и перевязала мои руки. Потом напоила тёплым молоком, уложила в постель и строго приказала отдыхать.

Я с наслаждением растянулась на мягкой перинке, обняла Мистера Вискерса, но уснуть так и не смогла. За стеной слишком отчётливо слышались голоса родителей, обсуждающих произошедшее.

— Ты не понимаешь, Альфред! Тебя там не было! — говорила мама взволнованным голосом. — Этот жуткий призрак мог раздавить каждого, как букашку! Переломить, как спичку! В понедельник я сама пойду в академию и заберу документы Марши.

— Виктория, подожди, — папа говорил тихо, но твердо. — Ты видела, как она справилась. Она не растерялась, не убежала. Она спасла людей.

— И чуть не погибла! — мама почти кричала, но тут же понизила голос, видимо вспомнив, что я могу слышать. — Альфред, она наша дочь, а не солдат! И, честно говоря, не думаю, что у нее получилось бы, если бы не запрещенные штучки Амалии.

Тишина.

Я затаила дыхание, прижав Мистера Вискерса к груди.

— Я не хочу, чтобы она шла по пути Гриммов, — наконец прошептала мама.

— Она пойдет своим путем, — сказал папа. — Но запрещать ей — все равно что пытаться остановить прилив. И потом, подумай о том, что было бы, если бы у Марши не было тех навыков и знаний, которые она получила на факультете некромантии.

За дверью раздались шаги, и я быстро притворилась спящей.

Дверь приоткрылась, в щель проскользнул луч света.

— Спит, — прошептала мама.

— Пусть отдыхает, — ответил папа.

Дверь тихо закрылась.

Я открыла глаза и уставилась в потолок.

«Они правы оба. Мама боится за меня. Папа верит в меня. Но я уже не представляю для себя другой судьбы».

***

Утром я, словно огнедышащий дракон, нависала над Аластером, пока он допивал свой кофе, и недовольно пыхтела:

— О, Создатель, я и не замечала раньше, какой ты медлительный!

Но брат лишь улыбнулся уголком губ, продолжая не торопясь потягивать горький напиток.

— Марша, какая потрясающая забота о менторе. Да ты просто образцовая ученица.

Я фыркнула:

— Вообще-то, он и твой друг тоже! Тебе всё равно?

Аластер наконец поставил пустую чашку на блюдце с характерным звоном.

— Конечно, нет, поехали.

Через четверть часа мы уже были у дверей палаты Мортиса. Я неуверенно застыла на пороге, не решаясь войти.

— Смелее, ты ведь так рвалась сюда. — Аластер сжал моё плечо, — можете обсудить свои некромантские штучки наедине. А я пока найду доктора и поговорю с ним.

И Аластер оставил меня, его шаги быстро затихли в коридоре. Я глубоко вдохнула и толкнула дверь.

Палата была залита утренним светом, но воздух здесь казался гуще, тяжелее. Мортис лежал на кровати, бледный как мел, с закрытыми глазами. Его обычно аккуратно зачесанные и затянутые в пучок волосы растрепались, а на лбу выступили капельки пота.

Я осторожно подошла ближе, и в этот момент его глаза резко открылись.

— Марша?

— Привет… — Я улыбнулась и потянулась к лежащей поверх одеяла руке некроманта.

Но он убрал её в сторону и строго посмотрел на меня.

— Я твой ментор, и тебе не следует…

Я цыкнула и закатила глаза:

— Если хочешь, я потом выйду и зайду к тебе, как студентка к ментору, но сейчас я пришла как друг и напарник по изгнанию.

Я наклонилась и всё-таки цепко ухватилась за шершавую ладонь.

— Как ты себя чувствуешь? Ты жутко напугал меня. Никогда больше так не делай!

Мортис хрипло рассмеялся, но тут же застонал:

— Обещаю, в следующий раз попрошу призрака нежнее ломать мне кости. — прошептал он, аккуратно сжимая мои многострадальные пальцы. Его ладонь была необычно горячей. — Но ты… ты молодец, Марша. Ба рассказала, что именно ты нашла привязку и провела обряд изгнания.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули от неожиданной похвалы.

— Да что там… Вот бабушка у тебя нереальная! Я даже не подозревала, что такое возможно! А я тоже смогу вызывать щупальца из земли, когда доучусь? А ты так можешь?

— Какая я тебе бабушка, пигалица? — раздался властный голос Амалии. — Для тебя я мадам Гримм и никак иначе.

Я резко обернулась и густо покраснела, вырывая руку из пальцев Мортиса.

— Простите, мадам Гримм.

В палату вошли Амалия и Аластер. Брат приветственно кивнул некроманту.

— Ну, здравствуй, пострадавший. Как ты? Доктор уверял, что ты выживешь, но, глядя на твоё бледное лицо, я в этом сомневаюсь… Хотя погоди-ка, ты всегда такой и был.

Мортис улыбнулся.

— Ого, Аластер Блум умеет шутить? Как такое возможно? Наверное, это у меня предсмертные галлюцинации.

— Ох, не прибедняйся. На что только не пойдешь, лишь бы занятия у студентов не вести, да, Мортис?

Амалия тронула меня за локоть и кивнула в сторону выхода.

— Идём, пусть мальчики пообщаются.

Старушка шла, тяжело опираясь на трость, но при этом сохраняла горделивую осанку и надменное выражение лица.

Как только мы вышли в коридор, я поспешила поблагодарить некромантку:

— Мадам Гримм, я хотела сказать вам спасибо! Если бы не вы…

Но Амалия прервала меня, резко вскинув руку.

— Тебе не за что меня благодарить, девочка. Я вмешалась по одной единственной причине — пострадал мой внук. При другом раскладе я бы и пальцем не пошевелила. Даже если бы тот призрак на моих глазах всех достопочтенных гостей напополам разделил и головёшки пооткручивал. — Она хитро прищурилась, наклонилась ко мне и добавила: — Даже тебе и твоей матери.

— О… — такого откровения я не ожидала и растерялась. — Понятно… Но где вы научились всем этим фокусам? Я такого нигде не видела.

— И не увидишь, — парировала Амалия. — Сейчас подобное запрещено конвенцией. Раньше мы, некроманты, были реальной силой. А сейчас — тьфу! Но я уже слишком стара, чтобы менять этот мир. Мне бы спокойно дожить свой век.

— Жаль. Я бы хотела уметь так же!

— Да, пожалуй, из тебя вышла бы толковая некромантка. И задор есть, и смелость, и энергии через край. Вот только, — Амалия повернулась ко мне и строго посмотрела в глаза, — прекращай доставать моего внука. С тех пор как он стал ментором и наставником вашей группы, твоё имя звучит в нашем доме чаще, чем чьё-либо.

От стыда и пронзительного взгляда Амалии у меня запылали уши, и я низко опустила голову, надеясь спрятаться за прядями волос.

— Нет — нет — нет, — старушка набалдашником трости подняла мой подбородок и заставила смотреть ей в глаза. — Ему уже кошмары с твоим участием снятся. И мне это не нравится. Ты видела, на что я способна. Если продолжишь доставлять неприятности моему Мортису — пеняй на себя. Поняла?

Я кивнула, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Глаза Амалии в этот момент напоминали два лезвия — острые, безжалостные.

— Поняла, — пискнула я, сглотнув ком в горле.

Амалия медленно отвела трость, её губы растянулись в подобии улыбки.

— Умная девочка. А теперь беги к брату, пока я не передумала.

Я сделала шаг назад, затем ещё один. А потом развернулась и побежала, чувствуя спиной взгляд некромантки.

Глава 6. Извинительная открытка

Больше в палату к Мортису я не заходила. Дождалась под дверями Аластера и с облегчением выдохнула, когда мы наконец покинули госпиталь.

Амалия Гримм вызывала во мне ужас и восхищение одновременно. Такая сильная и уверенная, твёрдая, как сталь, и холодная, как арктический айсберг. Было ясно одно — со своими врагами мадам Гримм расправлялась, и глазом не моргнув, не мучаясь моральными дилеммами.

Экипаж остановился у нашего дома. Аластер помог мне спуститься, и мы уже направлялись по гравийной дорожке к двери, но меня окликнул резкий голос:

— Хэй, Марша, есть минутка?

У тропы, ведущей в дальнюю часть сада, стояла Джина. Она смотрела на меня с хитрым прищуром и ухмылялась.

— Всё в порядке? — Аластер вопросительно посмотрел на меня.

— Да. Это моя подруга из академии. Иди в дом.

Я, не торопясь, подошла к Джине.

— Что ты хотела?

— Ух, принцесса, прямо холодом проняло от твоего ледяного тона, — саркастично заметила она. — Поговорить хотела. Развеять неловкость, возникшую между нами.

Я сложила руки на груди и вскинула подбородок, всем своим видом стараясь показать, что не собираюсь в очередной раз так легко прощать Джину.

— Неловкость? Да ты буквально высмеивала меня перед ребятами, говорила такие вещи, что…

— Эй, эй! Я пришла мириться, а не продолжать ругань.

— И для этого влезла в мой сад?

— В смысле влезла? — Джина удивлённо оглянулась. — Калитка не была заперта, и я вошла. Это что, запрещено?

Я устало закатила глаза.

— Да, Джина. Это запрещено. Частная собственность, все дела.

Девушка фыркнула.

— Ну и странные же вы, богатеи. Раз нельзя входить — запирайте дверь на замок. Нечего простых людей смущать.

Я усмехнулась, прекрасно понимая, что она играет.

— А ты ловко притворяешься недалёкой, когда это выгодно.

— Так же, как и ты, — парировала негодяйка. — Только посмотри, на что я иду ради тебя.

Джина извлекла из-за спины помятую самодельную открытку с нацарапанным карандашом комичным призраком и коряво выведенной надписью «прости».

— Даже блёстками посыпала, — отметила я, улыбаясь.

— Ага! Видишь, да ты из меня верёвки вьёшь! На что я иду ради тебя, принцесса.

— Может, тогда перестанешь обижать меня? Тогда и открытки ваять не придётся.

Джина наигранно вздохнула и положила руку мне на плечо.

— Мы же семья, Марша! Большая, дружная некротическая семья! А в семьях иногда происходят конфликты, но это не отменяет того, что мы любим друг друга.

Она чмокнула меня в щёку и хитро посмотрела в глаза.

— Ну что, ты меня простила?

Я хотела сохранить серьёзное выражение лица, но уголки губ предательски дрогнули.

— Интересно, мне когда-нибудь надоест танцевать на граблях и раз за разом прощать тебя?

— Смирись, принцесса, ты тоже по мне скучала.

Джина состроила гримасу, и я беззаботно рассмеялась.

— А знаешь что? Наше примирение необходимо отметить! Помнишь моё предложение отдохнуть на диком пляже? Мне кажется, сейчас — самое время! Заодно расскажешь мне, почему у тебя все руки в бинтах.

— Я рада, что мы больше не в ссоре, но я хотела сегодня навестить Труди.

— Труди, — Джина выплюнула имя подруги с такой злостью, что мне стало не по себе. Её настроение моментально испортилось. — То есть, между мной и ей, ты выберешь эту рыжую выскочку?

Я вздохнула, стараясь держать себя в руках и не поссориться с Джиной опять, спустя минуту после примирения.

— Держи себя в руках, Моррисон, а не то придётся опять рисовать извинительные открытки. Я не выбираю между вами, что за бред? И Труди не заслуживает такого отношения с твоей стороны. В конце концов, мы можем пригласить и её тоже. Проведём время вместе. Но только если ты пообещаешь мне вести себя прилично.

Джина скривилась и отвернулась. Я знала, что упомянуть Труди — один из самых простых способов вывести Джину из себя. Не знаю, почему она так её не любит, но эта неприязнь всегда была поводом для конфликтов между нами.

— Ладно, как скажешь, — пробурчала она, — приглашай свою рыжую подружку. Но учти, я буду терпеть эту сплетницу только ради тебя.

— Джина, прекрати. Труди не такая! Она очень славная и милая девушка.

Я немного лукавила, конечно. Труди любила сплетничать, но такого негатива точно не заслуживала.

— Да-да, конечно. Твоя Труди — ангел во плоти, а я — исчадие ада. Всё, как обычно.

Я почувствовала, как во мне закипает злость. Ну почему она вечно всё драматизирует? Неужели нельзя просто нормально провести время?

— Ты знаешь, я, пожалуй, всё-таки не пойду на пляж. Прости. И спасибо за открытку.

Я развернулась, собираясь пойти к дому, но Джина перехватила мою руку.

— Воу, принцесса, полегче! Я же сказала — буду паинькой.

Джина смешно сморщила нос и широко улыбнулась.

— Я соскучилась, а парни уже на пляже и жарят сосиски на всех! Не пропадать же добру.

— То есть, ты была уверена, что мы помиримся и я соглашусь на твоё предложение?

Джина рассмеялась:

— Да! Я же знаю, что у тебя доброе сердце. А ещё ты меня любишь до безумия. Вот такая ты предсказуемая, смирись! Бери купальник и пошли за твоей рыжей сплетницей.

Через час мы уже с комфортом разместились на тёплом песке. Труди сидела чуть поодаль, обхватив колени руками, и с подозрением поглядывала на Джину, которая с азартом помогала Теодору раздувать костёр. Август насаживал сосиски на импровизированные шампуры — зачищенные ножом палочки, а Балтазар очень старательно, высунув язык, нарезал хлеб.

Я подсела к подруге и тихонько толкнула её плечом.

— Ты чего такая тихая? Я думала, будешь светиться от счастья, а ты грустишь.

— Я просто… — Труди хотела мне открыться, но не решилась. Возможно, её смущала обстановка и малознакомые ребята, а возможно, причина была слишком личной, и она не готова была делиться ею даже со мной. Девушка закусила губу и отвела взгляд, старательно пытаясь придумать оправдание.

— Я просто переживаю за тебя.

По дороге я успела рассказать о событиях прошлого вечера, и Труди решила этим воспользоваться.

— А чего за меня переживать? Всё же хорошо.

— Ну что, рыжая, будешь сосиску или боишься, что я в неё яд подмешала? — Джина протянула Труди палку с обугленным с краёв угощением, ухмыляясь.

Труди насупилась.

— Спасибо, но я не голодна.

— Ой, да ладно тебе! — Джина фыркнула, — Ты же не как наша принцесса. Ты из простых, как я!

— Эй! — Я пихнула Джину в бок. — Ты теперь вздумала с Труди против меня дружить?

— Спокойно, я ищу подход. Ты ведь сама просила.

Джина плюхнулась на песок рядом со мной и всё-таки всучила Труди палку с сосиской.

Труди нехотя взяла еду, но так и не решилась откусить. Её пальцы нервно постукивали по деревянной палке, а взгляд то и дело скользил в сторону Джины.

Я наблюдала за развитием событий с тревогой. Напряжение между Джиной и Труди ощущалось физически, как наэлектризованный воздух перед грозой.

— Ну что, рыжая, — Джина лениво растянулась на песке, закинув руку за голову, — расскажи-ка нам, что интересного происходит у вас, у зельеваров. Хотя о чём это я. Что у вас может происходить интересного? Разве что кто-то в котле утопится.

И она очень громко, наигранно расхохоталась. Труди покраснела.

— Джина! Ты же обещала мне!

Я резко вскочила, песок осыпался с моих коленей.

— Хватит! — мой голос прозвучал резче, чем я планировала.

Джина замерла с притворной улыбкой, но в её глазах мелькнуло что-то опасное.

— Ой, да ладно тебе, Марша, я же просто…

— Нет, — я перебила её, чувствуя, как дрожу от злости. — Ты не «просто». Ты специально. И знаешь что? Мне надоело.

Труди встала.

— Я… я пойду.

— Я с тобой.

Джина почуяла, что дело пахнет новой извинительной открыткой, а то и извинительным плакатом. Она подскочила, схватила Труди за руку и затараторила:

— Ну ты чего, рыжая? Я же просто шутила. Вот такие у меня шутки дурацкие. Давайте все расслабимся и… и… — она обвела пляж взглядом, — искупаемся! Точно. Давайте купаться. Я читала, вода снимает стресс.

Она тянула Труди за собой, уверенно шагая к морю.

— Я не хочу! Отстань!

Труди вырвала руку, но Джина уже успела затащить её в воду и неожиданно плеснула прямо в лицо.

— Улыбнись! Чего такая кислая?

— Ах так?! — Труди замерла на секунду, а затем со злостью шлепнула ладонью по воде, обдав Джину с головы до ног.

— О-о-о, рыжая завелась! — Джина прыгнула назад, но не убежала, а наоборот — снова зачерпнула воду и выплеснула в Труди.

Я стояла на берегу, не зная, вмешиваться ли, но тут Труди неожиданно улыбнулась.

— Ты пожалеешь об этом, Моррисон! — крикнула она и нырнула, чтобы схватить Джину за ноги.

Джина взвизгнула, потеряв равновесие, и с громким всплеском плюхнулась в воду. Через секунду она вынырнула, отряхиваясь, как мокрая кошка.

— Ты… ты… — она не могла говорить от смеха, — Тебе конец, рыжая!

И тут началось настоящее безумие. Они носились по воде, брызгались, пытались утопить друг друга (не по-настоящему, конечно), а потом Джина неожиданно подхватила Труди на руки и с криком «ПОЕХАЛИ!» бросилась в волны.

Труди визжала, смеялась и отбивалась, но Джина не отпускала.

— Марша! Помоги! — закричала Труди, но в её голосе уже не было злости.

Я не выдержала и, сорвав сандалии, побежала в воду.

— Держитесь, девочки! — я прыгнула на них обеих, и мы все трое с грохотом рухнули в воду.

Когда мы наконец выбрались на берег, мокрые, запыхавшиеся и смеющиеся, Джина плюхнулась на песок и протянула Труди руку.

— Ладно, рыжая, ты не так уж плоха.

Труди фыркнула, но пожала её руку.

— Ты тоже… иногда бываешь терпимой.

Я села между ними, счастливая.

— Видишь, Джина? Можно же нормально общаться, если не быть стервой.

Джина закатила глаза, но улыбалась.

— По-моему, самое время для дедовой наливки. БАЛТАЗАР! Тащи мою сумку.

Мы с ребятами расселись вокруг костра. Балтазар с довольной ухмылкой вытащил из сумки бутылку с вишневой наливкой.

— Ну что, девочки и мальчики, вечер перестаёт быть томным? — Джина откупорила бутылку зубами, и в воздухе сразу разлился сладковато-терпкий аромат.

Труди настороженно посмотрела на наливку:

— Я… я никогда не пила.

— О-о-о, значит, сегодня твой первый раз! — Джина подмигнула и первая сделала глоток, скривившись от крепости.

Бутылка пошла по кругу. Когда очередь дошла до Труди, она неуверенно взяла её в руки.

— Ну же, рыжая, не трусь! — подбодрил её Теодор.

Труди зажмурилась и сделала глоток. Через секунду её лицо исказила гримаса, она закашлялась, а глаза наполнились слезами.

— Г-гадость какая! — выдохнула она, когда смогла снова говорить.

Все рассмеялись.

— Так и должно быть в первый раз! — Джина хлопнула Труди по спине.

А я подумала, что точно получу от Аластера, если он узнает, чему мы учим его девушку.

Бутылка продолжала ходить по кругу, веселье нарастало. Даже Труди, раскрасневшаяся и разомлевшая, смеялась вместе со всеми. Кажется, она совершенно забыла о том, что её так сильно расстраивало.

— Знаешь что? — Труди вдруг обняла Джину за плечи. — Ты… ты не такая уж и стерва. Ты очень хорошая!.. Где-то в глубине души.

— Ого! Напилась и сразу правду режет! — Джина рассмеялась, но не стала отстраняться.

Я наблюдала за ними, чувствуя, как тепло разливается не только от наливки, но и от того, что наконец-то все вместе, без ссор и обид. Да, это был идеальный вечер.

И пусть завтра у Труди будет дикое похмелье — оно того стоило.

***

Наступила последняя учебная неделя перед летними каникулами. Мы с ребятами только что сдали последний зачёт по проклятиям ментору Дефо и собирались пойти в кафетерий отметить сие событие ароматным кофе и пирожными.

Мортис так и не появлялся в академии, а я не решалась навещать его в госпитале. Аластер регулярно ездил к другу и звал меня с собой, но я слишком хорошо помнила предостережение мадам Гримм и решила, что самым правильным будет по возможности избегать некроманта.

Мы бодро шагали по академии. Джина в который раз рассказывала, как ей пришлось два дня прятаться на сеновале от деда, который обнаружил пропажу наливки, а Балтазар хохотал на весь коридор.

Из-за угла вывернула мадам Эвелдор и направилась прямо к нашей весёлой компании.

— О, ребята, хорошо, что я вас встретила! Вы же еще не забирали свои направления на летнюю практику?

Мы удивлённо переглянулись.

— Нет, мадам. Честно говоря, мы даже и не знали, что она у нас будет, — сказал Август.

— Хм-м… — Мадам Эвелдор быстро просмотрела бумаги, которые держала в руках. — Должно быть, это произошло из-за отсутствия вашего куратора.

Комендант нацепила дежурную улыбку и елейным голосом обратилась ко мне:

— Марша, дорогая, сходи, пожалуйста, к вашему декану и забери направления. Потом раздашь ребятам.

Очевидно, она не хотела получить нагоняй за то, что про нашу группу «забыли», пока Мортис находился в больнице. Поэтому и послала меня к ментору Орфанту.

— Да, хорошо.

Я оглянулась на ребят и отправилась к кабинету декана.

— Мы будем ждать тебя в буфете! — крикнула мне в след Джина.

Я постучала в массивную дубовую дверь кабинета и, услышав в ответ глухое «Войдите», смело шагнула внутрь. Кабинет был залит тёплым светом, пробивающимся через витражные окна. За столом сидел ментор Орфант, а напротив него в глубоком мягком кресле…

— Мортис?! — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. — Э-э-э, то есть, ментор Гримм, очень рада видеть вас в добром здравии…

Увидев меня, некромант улыбнулся уголком губ. Было заметно, насколько он похудел за эти дни. Под глазами залегли тёмные круги, кожа отливала синевой, но всё же он был уже на ногах. Чёрные волосы, так резко контрастирующие с бледной кожей, были по обыкновению зачёсаны в аккуратный пучок, а зелёные глаза лучились мягким светом.

Или мне только так казалось?

Увидев Мортиса сейчас, я поняла, насколько соскучилась. Стало совестно за то, что я не навещала его в больнице. Но затем в памяти возникло строгое лицо его бабушки, с убийственным взглядом, и сразу отлегло.

— Здравствуйте, ментор Орфант. Я пришла за направлениями на летнюю практику для нашей группы.

— Да, Марша, здравствуй. Мы как раз обсуждали этот вопрос с ментором Гриммом.

— И не сошлись во мнениях, — мрачно заметил некромант. — Ментор Орфант, я настаиваю на том, что студентов рано отправлять на подобную практику. Они ещё слишком молоды и неопытны.

— При всём уважении, ментор Гримм, но если совет решил, что это хорошая возможность наладить сотрудничество между нашими странами, значит, так оно и есть. Рассматривайте это как культурный обмен. Или вы думаете, что руководство готово отправить наших детей на убой?

Мортис с силой сжал челюсти. Кабинет декана на мгновение погрузился в напряжённую тишину. Мортис медленно поднялся с кресла, его пальцы впились в резные подлокотники.

— «Культурный обмен»? — его голос прозвучал слишком резко и громко, я вздрогнула и обхватила себя руками. — Вы хотите отправить моих студентов в страну, которая восемнадцать лет была закрыта от мира. Последнее, что мы слышали перед закрытием границ, это то, что там истребляли таких, как мы! На некромантов была открыта настоящая охота, кровавая и жестокая.

Я замерла у двери, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

«Они о Боржове? Нас хотят отправить на практику в Боржову?»

Ментор Орфант вздохнул и поправил очки:

— Ситуация изменилась. Новый король Боржовы — реформатор. Он распустил Жреческий Совет и открыл границы. Мидленд должен ответить на этот жест. А кто, как не студенты-некроманты, лучше всего покажут, что наша магия — это знания, а не варварство?

Мортис резко повернулся к окну, его силуэт чётко вырисовывался на фоне витражей.

— Они не готовы.

— А я готова! — неожиданно для себя выпалила я.

Оба ментора удивлённо повернулись ко мне. Мортис прищурился, а в его взгляде читалось предупреждение: «Молчи». Но я продолжила:

— Я хочу поехать. Уверена, мы с ребятами получим много новых впечатлений и неоценимый профессиональный опыт.

— Марша… — Мортис произнёс моё имя так тихо, что я еле расслышала. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое — злость? Тревога?

Орфант, воспользовавшись паузой, хлопнул ладонью по столу:

— Вот и отлично! Решение принято.

Мортис шагнул к столу декана:

— Нет.

— Это не ваше решение, ментор Гримм, — Орфант холодно улыбнулся. — Совет уже всё утвердил. Ваша группа отправляется через неделю.

Некромант замер, его пальцы сжались так, что костяшки побелели.

Орфант протянул мне папку:

— Направления. Раздашь остальным.

Я взяла документы дрожащими руками. На верхнем листе золотыми буквами сияло:

«Боржова. Деревня Стражевица».

Глава 7. Неожиданное предложение

Труди сидела на моей кровати, почёсывала живот урчащего Мистера Вискерса и смотрела, как я старательно набиваю чемодан вещами.

— Понимаешь, это ведь такая уникальная возможность своими глазами посмотреть на место, где я была рождена! Кто знает, может, я смогу лучше понять себя… или даже найти родню!

Я болтала без умолку, мечась от платяного шкафа к чемодану.

— И потом, я ведь толком нигде не была, не путешествовала! Это мама с папой пол мира объездили, а мы с Аластером вечно сидим дома!

Когда я упомянула брата, Труди издала странный звук. Не то вздох, не то всхлип.

Я остановилась с парой носков в руке и пристально посмотрела на подругу.

— Труди, что-то не так?

Труди начала наглаживать кота с таким усердием, будто пыталась расплющить. Мистер Вискерс недовольно мявкнул и прикусил её руку, как бы говоря: «Приди в себя и гладь животное как полагается!».

— Это… ничего. Просто… — Труди сделала паузу, собираясь с мыслями, — Аластер так много говорит о своей будущей работе в столице. О том, как ему не терпится уехать…

Я медленно опустилась рядом на кровать, отложив вещи.

— И ты боишься, что он… забудет о тебе, когда уедет?

— Я не знаю, что и думать! Может, он вообще в тот вечер, когда я призналась ему, просто пожалел меня. Решил, погуляю с ней месяцок, всё равно ведь потом покину Баклберри.

— Труди, ты ведь знаешь, что Аластер не такой. — Я взяла холодные ладошки подруги в свои. — Ты говорила с ним о своих страхах?

— Конечно, нет! Не думаю, что он серьёзно относится к нашему… роману.

— Аластер серьёзно относится ко всему, что делает. Он даже с мамой из-за тебя поругался. Может, стоит просто спросить у него, как он видит ваше дальнейшее будущее?

Труди горько усмехнулась.

— Я не имею права на такие вопросы после нескольких совместных прогулок.

Я закатила глаза.

— Ты упрямая трусиха! Не могу опять смотреть на твои страдания. Вот сейчас пойду и сама у Аластера всё выясню.

— Нет! — Труди в ужасе подскочила, пытаясь задержать меня, — Не смей! Не вздумай!

Но меня было не остановить. Я вырвалась из её хватки и стремительно направилась к двери.

Труди что-то кричала мне в след, но слушать я её не собиралась.

«И почему люди всё так усложняют? Страдают и мучаются, вместо того чтобы открыть рот и задать вопрос».

Я решительно распахнула дверь и вошла в комнату Аластера.

— Привет! У меня к тебе срочный вопрос.

Брат сидел за столом и читал какую-то книгу внушительных размеров. Он поднял на меня взгляд и недовольно заметил:

— Сколько раз я могу просить тебя стучать, прежде чем вламываться в мою комнату? А если бы я был не одет?

— Ты нанёс бы мне неизлечимую моральную травму. Но, слава Создателю, всё обошлось, и ты при полном параде. Ты в курсе, что у вас с Труди проблемы?

Аластер удивлённо моргнул и отложил наконец книгу.

— Что? С чего ты взяла?

— С чего я взяла? Ты действительно не замечаешь, как Труди мучается? Она уверена, что ты просто жалеешь её и не воспринимаешь ваши отношения всерьёз. Что ты со дня на день укатишь в столицу и забудешь о ней.

Аластер медленно поднялся со стула, его обычно спокойное лицо исказилось от недоумения.

— Это… абсурдно. Я же… — Он провёл рукой по волосам, собирая аккуратный хвост. — Я думал, она понимает. Как же это сложно. Легче сварить зелье невидимости, чем понять вас, женщин.

Я приподняла бровь.

— Что тут непонятного? Просто иди и поговори с ней.

В этот момент дверь с треском распахнулась, и на пороге появилась сама Труди, запыхавшаяся, с растрёпанными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.